

В.А. Веселов*

ДЛИННАЯ ТЕНЬ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» В США

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

За последние годы история Второй мировой войны сама превратилась в своеобразное поле боя в «битве памяти». И это неслучайно. Помимо очевидного факта, что попытки ревизии итогов этого глобального конфликта служат отражением современных межгосударственных противоречий, следует отметить как минимум еще одно обстоятельство. «Тень» Второй мировой оказалась очень длинной. Это выражается не только в том, что мы по-прежнему живем в системе международных отношений, в основе своей сформированной по итогам событий первой половины 1940-х годов, но и в том, что мы смотрим на окружающую действительность через призму концепций и понятий, которые появились в условиях этой войны, под ее давлением и несут на себе ее отпечаток. В частности, речь идет о концепции «национальной безопасности». В данной статье рассмотрена история появления и развития этой концепции в США. Автор отмечает, что понятие «национальная безопасность» существовало на протяжении всего XX в., но до середины столетия отождествлялось преимущественно с обороной государства. Во время войны произошло разделение двух понятий. В статье рассматривается, какие именно уроки Второй мировой повлияли на переосмысление данного понятия и наполнение его новым содержанием, как происходила выработка взглядов на национальную безопасность в 1940-е годы. Рассмотрены также дискуссии, предшествовавшие принятию Закона о национальной безопасности (1947), и первые результаты его применения. Показано, что, с одной стороны, в основе концепции «национальной безопасности» лежало принципиальное признание существования особого состояния «между миром и войной», для успешного функционирования в условиях которого государству необходимо опираться на широкий спектр инструментов

* *Веселов Василий Александрович* — кандидат исторических наук, заместитель заведующего кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

как экономического и военно-политического, так и идеологического характера. Под влиянием уроков войны национальная безопасность начала рассматриваться как «надстройка» над обороной, призванная не только интегрировать различные компоненты политики государства, но и устранять или по крайней мере сглаживать возникающие между ними противоречия. С другой стороны, с самого начала концепция «национальной безопасности» приобрела ярко выраженный проактивный, наступательный и экспансионистский характер. Выступая своеобразной антитезой концепции «коллективной безопасности», данное понятие отражало стремление элит США не просто встроиться в существующую систему международных отношений, а создать новую, которая будет базироваться на американских ценностях и обеспечивать устойчивое функционирование американской экономики. «Внешним продолжением» национальной безопасности США должна была служить и создававшаяся система военно-политических союзов. Автор заключает, что именно многомерность понятия «национальная безопасность», обусловленная многомерностью вызовов, с которыми столкнулись государства в годы Второй мировой войны, объясняет его востребованность при изучении современных проблем мировой политики.

Ключевые слова: Вторая мировая война, национальная безопасность, Соединенные Штаты, военная стратегия, оборона, военная политика, международная безопасность, коллективная безопасность.

Рассмотрение концепции «национальной безопасности» целесообразно начать с происхождения данного понятия. В США принято возводить концепцию к различным высказываниям «отцов-основателей», в том числе к статьям «Федералиста», где встречается слово «безопасность». В отечественной литературе, начиная с работы В.Ф. Петровского [Петровский, 1980: 15], возникновение термина «национальная безопасность», как правило, связывают с посланием Конгрессу президента США Т. Рузвельта в декабре 1904 г. в контексте обоснования необходимости строительства будущего Панамского канала¹. В действительности в данном выступлении президент такой термин не использовал, а проект канала лишь упомянул. О создании «канала на перешейке» (еще не названного Панамским) Т. Рузвельт говорил в другом послании Конгрессу, 1901 г., но при этом объяснял его целесообразность не «безопасностью», а «национальными инте-

¹ Roosevelt T. State of the Union. 6 December 1904 // American History. Available at: <http://www.let.rug.nl/usa/presidents/theodore-roosevelt/state-of-the-union-1904.php> (accessed: 12.05.2020).

ресами» США². Это действительно можно считать началом отсчета в истории концепции, основное содержание которой в современном понимании — защита национальных интересов³.

До начала Второй мировой войны состояние защищенности национальных интересов отождествлялось прежде всего с обеспечением обороны государства. «Безопасность» была выражением «обороноспособности» как имеющегося у страны потенциала, в отличие от собственно «обороны» как набора мероприятий, в первую очередь ведения военных действий. Важнее другое: Т. Рузвельт в начале XX в. говорил не о защите, а о продвижении национальных интересов США, именно в то время впервые вышедших на глобальный уровень. Рано или поздно это потребовало бы уточнения понятийного аппарата.

Переосмысление понятия произошло почти 40 лет спустя при другом Рузвельте — 32-м президенте США — в разгар Второй мировой войны. После этого термин «национальная безопасность» не только прижился, но наполнился теоретическим и практическим содержанием и используется уже более 75 лет. В 1947 г. в США был принят Закон о национальной безопасности⁴ и образован Совет национальной безопасности как совещательный орган при президенте. После появления в 1986 г. «закона Голдуотера–Николса»⁵ главы Белого дома обязаны регулярно издавать Стратегию национальной безопасности, последняя из которых увидела свет в декабре 2017 г. Характерно, что именно данным актом администрация Д. Трампа открыла свою серию официальных документов стратегического

²Roosevelt T. State of the Union. 3 December 1901 // American History. Available at: <http://www.let.rug.nl/usa/presidents/theodore-roosevelt/state-of-the-union-1901.php> (accessed: 12.05.2020).

³Для того чтобы в этом убедиться, можно сравнить содержание действующих редакций Стратегии национальной безопасности РФ и Стратегии национальной безопасности США. См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 12.05.2020); National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 12.05.2020).

⁴National Security Act of 1947. Public Law 80–253. July 26, 1947 // The National Archives and Records Administration. Available at: <https://catalog.archives.gov/id/299856> (accessed: 12.05.2020).

⁵Goldwater-Nichols Defense Department Reorganization Act of 1986. Public Law 99-433. October 1, 1986 // U.S. Government Publishing Office. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-100/pdf/STATUTE-100-Pg992.pdf> (accessed: 12.05.2020).

планирования. Это неслучайно, поскольку отражает задачи Стратегии как «надстройки» над остальными компонентами политики государства в сфере безопасности, дипломатии и обороны.

В настоящей работе автор видит свою задачу в том, чтобы рассмотреть причины разделения понятий «оборона» и «безопасность» во время Второй мировой войны, а также объяснить происхождение и живучесть термина «национальная безопасность». Кроме того, сравнение состояния международных отношений на пороге 2020-х годов с начальным периодом «холодной войны» показывает наличие общих черт в подходах администраций США к средствам и способам обеспечения национальной безопасности, что позволяет в свою очередь прогнозировать их дальнейшее развитие.

Процесс становления концепции «национальной безопасности» США уже привлекал внимание отечественных и зарубежных ученых. Так, достаточно много работ посвящены проблемам сопряжения внутренних (в частности, экономических) и внешних факторов обеспечения национальной безопасности [Мальков, 2004; Печатнов, 2009; Маныкин, 2018; Сидоров, 2016, 2017, 2018; Pollard, 1985; Latham, 1997; Layne, 2006; Ikenberry, 2009; Patrick, 2009; Patel, 2017; Rosenboim, 2017; Fergie, 2019; и др.], роли этой концепции в формировании внешнеполитической стратегии США периода «холодной войны» [Петровский, 1980; Печатнов, 2006; Мальков, 2009; Маныкин, 2018; Батюк, 2018; Yergin, 1977; Leffler, 1992, 2017; Gaddis, 2005; LaFeber, 2008; Gray, 2011; Brands, 2014]. Однако вопросам, связанным с изучением влияния на выработку концепции «национальной безопасности» уроков Второй мировой войны, появившихся в ее ходе представлений о новых возможностях проецирования силы и утрате неуязвимости США, пока уделяется недостаточно внимания. В восполнении данного пробела видит свою задачу автор настоящей работы.

Многомерность и многоликость безопасности

Проблема обоснования строительства Панамского канала служит не только отправной точкой для развития концепции «национальной безопасности», но и показателем многомерности данного феномена. Для решения этой задачи администрация Т. Рузвельта была вынуждена использовать широкий спектр внешнеполитических инструментов — от официальных переговоров с Великобританией, претендовавшей на участие в управлении каналом, до оказания поддержки сепаратистам в Колумбии, правительство которой не соглашалось на американские условия. В результате появилась Ре-

спублика Панама, с которой в 1903 г. вопросы строительства были быстро решены. Канал имел для США в первую очередь военное значение, обеспечивая возможность маневра силами флота между двумя океанами. Необходимость его постройки американское руководство отчетливо осознало еще во время происходившей на двух океанах испано-американской войны, а стратегическая ценность этой коммуникации для США стала еще более очевидной сразу после японской атаки на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. В то же время интересно отметить, что Т. Рузвельт, обращаясь к Конгрессу, мотивировал строительство канала экономическими соображениями⁶, хотя для обеспечения товарных потоков между восточным и западным побережьями США его значение было существенно меньше в силу развитости сухопутных континентальных коммуникаций. Уже этот спектр проблем, проявившийся при самом первом приближении к истории становления и существу рассматриваемого понятия, показывает, что «национальная безопасность» должна служить «надстройкой», которая не просто интегрирует различные компоненты политики государства (внутреннюю и внешнюю, «жесткую» и «мягкую», экономику, оборону, дипломатию, идеологию и культуру), но должна устранять или хотя бы сглаживать возникающие между ними противоречия.

Первый шаг к разделению понятий «оборона» и «безопасность» был сделан во время Первой мировой войны. В декабре 1914 г. по инициативе нью-йоркского юриста С. Менкена была образована общественная организация «Лига национальной безопасности» (National Security League), в которой собрались люди, считавшие необходимым готовить страну к вступлению в начавшийся мировой конфликт [Ward, 1960]. Почетным президентом был избран Э. Рут, почетным вице-президентом — Т. Рузвельт. В целом деятельность организации, которая после вступления США в войну переключилась на борьбу с «большевизмом», не оставила заметного следа в истории. В то же время важно, что было признано наличие особого состояния «между миром и войной», в котором США находились в 1914–1916 гг. Это состояние не только нарушало традиционную схему «мир–война–мир», но и требовало особого вида деятельности по мобилизации ресурсов — как материальных, так и моральных (последнее для США было особенно актуально).

⁶Roosevelt T. State of the Union. 3 December 1901 // American History. Available at: <http://www.let.rug.nl/usa/presidents/theodore-roosevelt/state-of-the-union-1901.php> (accessed: 12.05.2020).

Поскольку война стала носить тотальный характер, возникло требование поддерживать постоянную к ней готовность, что в свою очередь трансформировало экономические и социальные институты. Для обозначения этой деятельности термин «оборона» оказывался не вполне адекватным, поскольку она выходила за рамки традиционного представления о ведении войны. Вместе с тем возникло понимание, что простого отсутствия вооруженной борьбы недостаточно для обеспечения национальных интересов. Кроме того, в деятельности «Лиги национальной безопасности» по противодействию «проискам большевизма» в 1918–1919 гг. можно увидеть прототип будущей «охоты на ведьм» в 1940–1950-е годы — одного из компонентов политики «национальной безопасности» США начального периода «холодной войны».

Вторым импульсом к формированию концепции «национальной безопасности» стали Великая депрессия и Новый курс президента Ф. Рузвельта. Если тотальность мировой войны потребовала нового понятия, более широкого, чем «оборона», то небывалый кризис, показавший неустойчивость экономической системы, повлек переосмысление еще ряда категорий и появление новых терминов: «экономическая безопасность» и «социальная безопасность», которые означали защищенность пострадавших от кризиса людей и организаций. Новые понятия также вошли в структуру формировавшейся концепции «национальной безопасности», подчеркнув ее многомерный и интегральный характер. Примечательно, что термин «национальная безопасность» в связи с кризисом употребляли (хотя и редко) в своих выступлениях принадлежавшие к разным партиям президенты Г. Гувер и Ф. Рузвельт, но для последнего обеспечение «экономической безопасности» стало одним из лозунгов Нового курса. В июне 1934 г. указом Ф. Рузвельта № 6757 был образован Комитет по экономической безопасности (Committee on Economic Security), главной задачей которого стала выработка рекомендаций для проектов Программы национальной социальной и экономической безопасности (Program of National Social and Economic Security) и Закона об экономической безопасности (Bill on Economic Security), разрабатывавшихся в 1934–1935 гг.⁷

Экономическая политика Нового курса не только была важнейшим компонентом безопасности США в 1930-е годы, но и содер-

⁷Roosevelt F.D. Address to Advisory Council of the Committee on Economic Security. November 13, 1934 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-advisory-council-the-committee-economic-security> (accessed: 12.05.2020).

жала три принципиальных момента. Во-первых, мировой характер кризиса служил зримым доказательством связи национальной и международной безопасности. Было очевидно, что внутренняя организация государства не всегда может противостоять хаосу и анархии внешнего мира. Во-вторых, выход из кризиса требовал активных действий, а не просто принятия мер реагирования на вызовы и угрозы. В-третьих, приоритетным направлением должно было стать формирование такого «внешнего продолжения» американской экономики, которое позволило бы избежать повторения кризиса подобного масштаба [Сидоров, 2016].

Для новой экономики требовался новый — американоцентричный — мировой порядок, создание которого стало основной задачей при планировании послевоенного устройства в 1944–1945 гг. Вместе с тем сам Новый курс представлял собой модель для построения послевоенного мира. Однако в 1930-е годы на пути к формированию нового мирового порядка лежали не только внешние, но и внутренние препятствия: изоляционистские настроения элиты и нежелание избирателей нести дополнительное бремя в условиях отсутствия явных угроз извне [Манькин, 1980]. Наличие «защитного барьера» в виде двух океанов делало бесперспективной апелляцию к такой традиционной категории, как «оборона»: большинству американцев казалось, что она и так обеспечена. Требовались новые понятия, более широкие по смыслу, более адекватные актуальным политическим задачам.

В этой связи вслед за обострением международных отношений во второй половине 1930-х годов вновь вошел в употребление термин «национальная безопасность», сначала — как новое выражение обороноспособности государства. Возрождая логику деятельности «Лиги» периода Первой мировой войны, содержание этого понятия первоначально отождествляли с обеспечением готовности страны к предстоящей большой войне. Именно так в предвоенные годы его использовал один из авторов концепции «национальной безопасности» Э. Эрл [Earle, 1938].

При этом появились два новых момента, обусловленных нарастанием военной угрозы. «Национальная безопасность» противопоставлялась, во-первых, политике «коллективной безопасности», которая не оправдала возлагавшихся на нее надежд в обеспечении прочного мира, а во-вторых, традиционному представлению об «обороне». По мнению Э. Эрла, последняя выглядела как пассивное ожидание и реагирование на действия противника, а в новых условиях требовались активное поведение, проявление инициативы,

переход к упреждающим мерам — словом, не отражение угроз, а их предотвращение, для обозначения чего и предлагалось использовать понятие «национальная безопасность»⁸.

Сторонники такого подхода видели существенное различие в положении США в 1914 г. и накануне нового глобального конфликта. Бурное развитие технологий проецирования силы в 1920–1930-е годы привело к эффекту «сжатия пространства» — еще одному (помимо финансово-экономической уязвимости) свидетельству взаимосвязанности и взаимозависимости всех участников международных отношений. Океаны, в которых действовали подводные лодки, уже не всем казались надежным «защитным барьером». Это подтвердили события лета 1942 г., когда немецкие субмарины находились у самого побережья США [Offley, 2014].

Еще больше опасений вызывали успехи в развитии средств воздушного нападения. Еще в 1915–1918 гг. был накоплен опыт стратегических бомбардировок, ударов по городам в глубине территории противника [Веселов, Фененко, 2016]. В 1932 г. премьер-министр Великобритании С. Болдуин произнес в парламенте знаменитую фразу «бомбардировщик всегда прорвется»⁹. Последовавшие затем войны в Китае и Испании подтверждали этот тезис, а судьба испанской Герники только усиливала страхи. При этом на воспоминания о Первой мировой войне и очевидные успехи авиации накладывалась возможность массированного применения химического и зажигательного оружия [Фененко, Веселов, 2019]. С одной стороны, эти страхи в Европе служили аргументом в пользу политики «умиротворения», а в США укрепляли позиции изоляционистов. С другой стороны, из этого следовало, что традиционные взгляды на «оборону» устарели, — это и стремились доказать сторонники новой концепции, продвигавшие первые идеи «национальной безопасности». На основе этих же предпосылок в тот период начали развиваться представления о «сдерживании» (deterrence) как особой форме применения военной силы [Quester, 1966].

Однако многие в США все еще воспринимали угрозу как весьма отдаленную. Попытки создать межконтинентальный бомбардиров-

⁸Эти мысли предвосхищали одно из базовых положений Стратегии национальной безопасности, выпущенной администрацией Дж. Буша-мл. в 2002 г. См.: The National Security Strategy of the United States of America. September 2002 // The White House. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nssall.html> (accessed: 14.05.2020).

⁹Commons Sitting of 10 November 1932. International Affairs // The UK Parliament. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1932/nov/10/international-affairs> (accessed: 14.05.2020).

щик были неудачными. Спроектированный фирмой «Boeing» самолет ХВ-15 (Model 294) не показал требуемых характеристик (первый полет состоялся в октябре 1937 г.) и был построен в единственном экземпляре [Bowers, 1989: 228–230]. Американцы, уверенные в своем технологическом превосходстве, считали, что остальные тем более далеки от такой возможности, и к моменту начала войны это соответствовало действительности.

Падение колосса и уроки для США

Начало Второй мировой войны 1 сентября 1939 г. не привело к радикальным переменам во взглядах. «Странная война» лишь подтверждала точку зрения тех, кто считал угрозу для США по-прежнему отдаленной. Первым крупным уроком, повлиявшим на дальнейшую судьбу идеи «национальной безопасности», стало неожиданно быстрое поражение Франции в июне 1940 г.

Из этого события было сделано сразу несколько выводов. Первоначально США рассчитывали, что конфликт будет развиваться по сценарию Первой мировой войны, а Вашингтон останется «арсеналом демократии», к тому же окончательно преодолееет последствия Великой депрессии. Возникнет состояние «между миром и войной», аналогичное тому, в котором отработывался инструментарий «национальной безопасности» в 1914–1916 гг.: материальная и финансовая помощь союзникам, пропаганда, поддержка государственными заказами военной промышленности. Вступление в войну самих США будет возможно в тот момент, когда решат в Вашингтоне, что позволит в дальнейшем пожать плоды победы. Следует отметить, что аналогичной логики придерживался в то время и Советский Союз в соответствии со сформулированной И.В. Сталиным еще в 1925 г. концепцией «гири, которая могла бы перевесить»¹⁰.

«Блицкриг» во Франции в мае–июне 1940 г. разрушил эти планы, основанные на представлении о примерном равенстве сил противостоявших группировок. Новые военные технологии (в широком смысле — не только средства, но и способы ведения вооруженной борьбы) вмешались в геополитические расчеты. До этого предполагалось, что равновесие в Европе не позволит ни одной державе установить свою гегемонию и консолидировать в одних руках такие ресурсы, которые создадут угрозу Соединенным Штатам — непосредственно или в Латинской Америке. После капитуляции Франции

¹⁰ Сталин И.В. Речь на пленуме ЦК РКП (б) 19 января 1925 г. // Сталин И.В. Сочинения: В 13 т. Т. 7. М.: Политгиздат, 1954. С. 11–14.

возникал вопрос, сможет ли Великобритания противостоять Германии практически в одиночку. В случае и ее падения США оказались бы с А. Гитлером один на один.

В результате «Битвы за Англию», пик которой пришелся на август–сентябрь 1940 г., с одной стороны, была опровергнута упомянутая ранее «формула Болдуина», с другой — и после отражения воздушного наступления перспективы Великобритании оставались неясны. В основе немецкого «блица» 1940 г. лежал расчет на то, что мощным ударом с воздуха удастся вызвать шок у англичан и переломить общественное настроение в пользу компромисса с А. Гитлером путем разграничения интересов (эта идея составляла суть предвоенной политики «умиротворения»). Следует отметить, что аналогичными расчетами руководствовались и японцы: нанести по США ограниченный удар, который повлияет на расстановку сил в обществе и власти.

Результат оказался противоположным. Вторая фаза воздушного «блица» (сентябрь 1940 г.) — массированные удары по городам, повлекшие значительный ущерб и большие жертвы среди мирного населения, — резко сократила в Великобритании внутривнутриполитическую базу сделки с А. Гитлером. Важную роль при этом играла и позиция, занятая лично У. Черчиллем, который заявил о непреклонном стремлении продолжать борьбу до победного конца. Но это не означало, что приверженцы соглашения исчезли совсем, тем более что у них был лидер — бывший король Эдуард VIII. Аналогичные соглашательские взгляды существовали и в США. Их представителем был, например, посол в Лондоне Дж. Кеннеди (отец будущего президента), лишившийся должности из-за таких взглядов. Этот урок учли в Вашингтоне, когда после атаки на Перл-Харбор был на полную мощность запущен механизм пропаганды с демонстрацией личной позиции лидера страны.

Однако в ноябре 1940 г. Ф. Рузвельту предстояло пройти через выборы. Он выдвигался в третий раз, нарушая традицию, и был вынужден очень чутко реагировать на настроения избирателей, а они в своей массе были больше озабочены последствиями Великой депрессии, чем угрозой победы тоталитаризма в Европе. Осенью 1940 г. значительную часть работы по слову изоляционистских настроений в США взяла на себя британская пропаганда, которой удалось привлечь на свою сторону ведущих американских журналистов и радиокomentаторов. При этом англичане, рассчитывая таким способом создать базу для общей борьбы, сознательно преувеличивали масштаб немецкого «блица», рисуя образ безжалостного врага,

с которым США могут сами столкнуться, если Великобритания сдастся так же, как и Франция [Cull, 1995: 109–114].

Настроения в обществе, управление общественным мнением не входили в традиционную сферу «обороны», предмет которой — задачи вооруженных сил и функции военного ведомства. Этим целям более соответствовала «национальная безопасность». В условиях, когда администрация Ф. Рузвельта была сфокусирована на победе на выборах, инициативу по осмыслению новых реалий и выработке рекомендаций проявили наука и общественность. При этом Белый дом не только поддерживал, но и вдохновлял общественные инициативы, такие как «Комитет за защиту Америки путем помощи союзникам» (Committee to Defend America by Aiding the Allies), возглавлявшийся влиятельным издателем У.А. Уайтом, который принадлежал, что примечательно, к Республиканской партии [Parmer, 1999: 361–363].

Накануне выборов, назначенных на 5 ноября 1940 г., в Колумбийском университете в Нью-Йорке состоялась открытая дискуссия на тему «Основы американской оборонной политики» («Bases for an American Defense Policy»), организованная Академией политических наук [Mitchell, 1941]. В ней приняли участие ученые, политики, военные, бизнесмены и журналисты. Первый же выступавший — представитель Принстонского университета Э. Эрл — предложил изменить предмет обсуждения, поставив в его центр не «оборону», а «безопасность». Он аргументировал это уроками недавних событий в Европе.

Франция, упорно сражавшаяся в Первой мировой войне, во Второй сдалась через несколько недель. «Линия Мажино» — символ традиционных представлений об «обороне» как физической защите территории и суверенитета — не смогла сыграть ту роль, ради которой она создавалась. Главной причиной падения Франции, считавшейся сильнейшей державой континента, виделась не слабость обороны, а внутренний раскол: руководство вооруженных сил в целом придерживалось правых взглядов, в то время как правительства во второй половине 1930-х годов формировали представители левых политических партий. Противостояние этих сил пагубно сказалось на обороноспособности страны [Cairns, 1986].

Анализ этих уроков приводил к выводу о необходимости объединить традиционные геополитические аргументы (угроза консолидации Европы силой, враждебной США) с новыми факторами идейно-политического порядка (защита базовых ценностей общества и интересов государства) и достроить над «обороной» еще один

«этаж» в виде «национальной безопасности». Не пассивное ожидание за кажущимся надежным укрытием, а активные действия во имя обеспечения национальной безопасности должны были стать предметом обсуждения [Earle, 1941b].

Вслед за этой дискуссией Э. Эрл организовал в Принстонском университете семинар (Princeton Military Studies Group), собиравшийся в течение 1940–1941 гг. Его участники стремились наполнить понятие «национальная безопасность» конкретным содержанием. Постепенно сложилось представление о том, что обеспечение национальной безопасности должно включать физическую защиту не только суверенной территории государства, но и тех частей внешнего мира, которые представляют интерес для США, а также политическую деятельность как внутри страны (противодействие враждебной идеологии), так и за рубежом — строительство мирового порядка на основе ценностей и идеалов, продвигаемых Соединенными Штатами.

Характерно, что пока ученые в Принстоне обсуждали необходимость наличия у национальной безопасности «внешнего продолжения», в Пентагоне начали планировать операцию по превентивному захвату принадлежавших Португалии островов в Атлантическом океане (Азорских и Зеленого Мыса), чтобы упредить их возможное превращение в плацдарм для германской агрессии в направлении Западного полушария. Указание о подготовке такой операции президент Ф. Рузвельт отдал 22 мая 1941 г. [Коваль, 1987: 60].

В ходе дискуссий в принстонском семинаре его участники пришли к выводу, что «национальная безопасность» представляет собой состояние, при котором территория государства, его политический строй и жизненно важные интересы защищены от угроз [Earle, 1941a]. Соответственно ее обеспечение должно рассматриваться как набор условий, при которых агрессия (прямая или косвенная) либо невозможна, либо обречена на провал. К таким условиям относилось отсутствие у противника одновременно материальных возможностей и политических мотивов для нападения. В качестве примера приводилась Великобритания, которая за всё время после войны 1812–1814 гг. могла атаковать США, но ни разу этого не сделала, поскольку не имела соответствующих политических целей. У Германии и Японии, напротив, была мотивация, но, как казалось многим в Вашингтоне в 1940 г. и на протяжении большей части 1941 г., не было соответствующих ресурсов. Странников изоляционизма это успокаивало, но для создателей концепции «национальной безопасности» ситуация выглядела иначе.

Под агрессией они предлагали понимать не только нападение извне, но и деятельность внутри страны политических сил, управляемых и поддерживаемых из-за рубежа [Earle, 1941a]. Необходимость акцента на внутренних угрозах подсказывали деятельность «Лиги национальной безопасности» в 1918–1919 гг. и идеология «экономической безопасности» середины 1930-х годов. Таким образом, даже в отсутствие явной внешней угрозы интересы и ценности государства нуждались в защите. В условиях конца 1940 — начала 1941 г. это был еще один аргумент в пользу выбора, сделанного администрацией Ф. Рузвельта: «враг № 1 — Германия» («Germany — first»), поскольку внутренние угрозы с ее стороны выглядели убедительнее, чем со стороны Японии.

Тотальность разгоревшейся в Европе войны обусловила и предельно широкую трактовку «национальной безопасности», поскольку угрозы выглядели безграничными во всех измерениях. Обеспечение безопасности страны предлагалось рассматривать не только как физическую защиту ее территории и заморских владений, но и как неприкосновенность моральных и политических ценностей, выражением которых служат национальные интересы. При этом идеологическая борьба по своему значению приравнивалась к вооруженному противоборству, т.е. «обороне» в традиционном понимании, причем оба компонента становились частью деятельности по обеспечению национальной безопасности. Таким образом, биполярное идеологическое противостояние возникло не в борьбе с коммунизмом в период «холодной войны», а в 1940–1941 гг. как обоснование неизбежности вступления США во Вторую мировую войну.

Поскольку источник идеологической угрозы безопасности находился за пределами страны, возникала задача переустройства послевоенного мирового порядка подобно тому, как в случае с Великой депрессией в сфере экономики. Объединить эти две задачи была призвана концепция «национальной безопасности». Одной из составных частей ее стало представление о том, что национальная безопасность США одновременно является инструментом обеспечения международной безопасности, вопреки мнению тех, кто предлагал при формировании нового мирового порядка вернуться к вильсоновским принципам. Авторам концепции «национальной безопасности» недостаток «вильсонизма» виделся в том, что защита интересов США возлагалась на международные институты, которыми Вашингтон не мог управлять по своему усмотрению. Этот изъян необходимо было исправить, что стало одной из задач при планировании послевоенного устройства мира.

Опыт войны и его осмысление

После победы на выборах администрация Ф. Рузвельта начала активный диалог с английским союзником: открытый — в связи с программой ленд-лиза и тайный — по выработке коалиционной стратегии. Штабные переговоры с английской военной миссией проходили в Вашингтоне с 29 января по 29 марта 1941 г., их результатом стал итоговый документ, получивший обозначение ABC-1 [Stoler, 2000: 39]. В то же время полной уверенности в том, что Великобритания устоит, в Вашингтоне не было, поэтому параллельно принимались меры на тот случай, если Соединенным Штатам придется вести борьбу в одиночку. Это отразилось и на планах судостроения, и на уточнении требований к авиации.

11 апреля 1941 г., т.е. вскоре после отъезда английской миссии, военное ведомство обратилось к ведущим самолетостроительным фирмам — «Boeing» и «Consolidated» — с запросом о предложениях по проекту межконтинентального бомбардировщика, получившего обозначение В-36 [Jacobsen, 1997: 19]. Требования военных предусматривали дальность полета 12 000 миль (19 200 км) с грузом в 10 000 фунтов (4,5 т) бомб, т.е. он должен был с базы на территории США совершить налет на цель в Европе и вернуться обратно. Выбрав проект фирмы «Consolidated», ВВС Армии США заказали постройку двух экземпляров самолета. Это произошло 15 ноября 1941 г., когда казалось, что новый союзник — СССР — не устоит. Однако и Советский Союз, и Великобритания выдержали, в связи с чем интерес к проекту резко упал, его финансирование сократилось в пользу текущих нужд. В итоге самолет поднялся в воздух только 8 августа 1946 г. Став носителем атомного, а затем и водородного оружия, до появления В-52 именно этот самолет был «большой дубинкой» в руках Вашингтона.

В том же апреле 1941 г. в Европе и на Ближнем Востоке произошли события, ставшие для США важным уроком, повлиявшим на выработку концепции «национальной безопасности». После падения Франции у Великобритании остался только один союзник на континенте — Греция, которая в 1940 г. смогла отразить итальянское наступление. Потенциальным союзником была оставшаяся еще нейтральной Югославия, где внутривосточная обстановка была неустойчивой. В стране имелись как проанглийские, так и прогерманские силы, но руководство во главе с принцем-регентом Павлом все же выбрало ориентацию на Германию, и 25 марта 1941 г. был подписан протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту. Ответным ходом Лондона стали организация государ-

ственного переворота в ночь с 26 на 27 марта 1941 г. и переброска в страну авиации Королевских ВВС. 5 апреля новое правительство заключило договор с Советским Союзом. Реакция Германии также была быстрой: 6 апреля началась агрессия, ставшая очередным «блицкригом» — через 12 дней Белград капитулировал. Тем не менее превращение Югославии в участника антигитлеровской коалиции все же произошло — в виде мощного движения Соппротивления, часть которого ориентировалась на Лондон.

В том же месяце по противоположному сценарию развивались события в Ираке. 1 апреля 1941 г. смещенный англичанами бывший премьер-министр страны Р. аль-Гайлани при поддержке верхушки армии совершил государственный переворот и обратился к Германии за помощью. Новый режим сразу поддержал находившийся в Багдаде после подавления арабского восстания в Палестине 1936–1939 гг. муфтий Иерусалима М.А. аль-Хусейни, претендовавший на роль духовного лидера всех антибританских сил на Ближнем Востоке и видевший в Германии естественного союзника. Берлин это событие поставило в непростое положение. С одной стороны, на Ближнем Востоке появился новый союзник, который мог быть полезен при реализации стратегических замыслов, но с другой — приоритетом в тот период была подготовка к нападению на СССР. Кроме того, технические возможности поддержать нового союзника были ограничены. В этой связи А. Гитлер подписал директиву № 30, в которой определялись направления действий в Ираке, в том числе отправка военной миссии (особый штаб «Ф»), группировки авиации и вооружения. В задачи миссии входило установление контактов «с враждебными Англии силами, в том числе вне Ирака». Весь немецкий военный персонал в Ираке предписывалось «пока считать добровольцами (по образцу легиона “Кондор”). Им надлежит носить тропическую форму с иракскими знаками различия. Последние должны иметь и немецкие самолеты»¹¹.

Немецкая операция в Ираке была импровизацией и в итоге закончилась провалом. Направленные из Индии и Палестины дополнительные британские силы после 30 дней боев свергли режим Р. аль-Гайлани, а немецкая авиация с иракскими опознавательными знаками существенного влияния на ход боевых действий оказать не

¹¹ Директива ОКВ № 30 «Средний Восток» от 23 мая 1941 года // Дашичев В.И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе, 1933–1945. Исторические очерки, документы и материалы: В 4 т. Т. 2. Развертывание борьбы за господство в Европе, 1939–1941. М.: Наука, 2005. С. 569–571.

смогла. Тем не менее уроки были извлечены. Через четыре месяца, в августе 1941 г., британские и советские войска провели превентивную операцию в соседнем Иране, чтобы предотвратить возможность развития событий по иракскому сценарию.

Для формирования концепции «национальной безопасности» США события в Югославии и Ираке в апреле 1941 г. были важны тем, что они не только еще раз продемонстрировали связь соотношения внутривполитических сил с внешнеполитической ориентацией государства, а также скорость, с которой происходили перемены, но и убедительно показали роль современных возможностей проецирования силы — быстрого появления английской авиации в Югославии и немецкой — в Ираке. Причем если в Югославии речь шла о переброске из соседней Греции, то в случае Ирака группировка люфтваффе появилась в регионе, где ранее никакие силы Германии не присутствовали. Важнее всего для США было то, что «иракская модель» могла быть применена противником в Латинской Америке, где для это имелись серьезные предпосылки. Об опасности возникновения плацдармов агрессии стран «оси» в регионе, откуда могут наноситься удары по США, президент Ф. Рузвельт предупреждал еще до начала войны — на пресс-конференциях 20 апреля и 23 июня 1939 г. [Thompson, 2012: 101].

Внутривполитическая ситуация в государствах Латинской Америки напоминала картину в Югославии и Ираке: раскол среди политического истеблишмента, наличие прогерманских настроений в руководстве вооруженных сил и антиамериканских — среди значительной части общества. На это накладывались сильные позиции германского бизнеса, искоренить которые американцам удалось только после начала войны [Taylor, 1984]. Ситуацию усугублял фактор, отсутствовавший в Ираке: наличие немецких колонистов в Парагвае, Уругвае, южной Бразилии и на севере Аргентины. Они были экономически самостоятельны, сплочены, дисциплинированы и поддерживали тесную связь с «Фатерландом». Это была готовая «пятая колонна», которой не хватало только оружия. Характер экономической деятельности этих поселений обусловил их размещение к югу от тропических лесов Амазонии, служивших естественным барьером на пути в сторону США, но цепочка государственных переворотов могла протянуться дальше на север, привести к смене режимов в Венесуэле, Колумбии, Перу, странах Центральной Америки, наконец, в Мексике. Такая перспектива создавала прямую угрозу не только зоне Панамского канала, но и континентальной части США.

После падения Франции гипотетическая угроза, о которой говорил Ф. Рузвельт в 1939 г., стала приобретать реальные очертания. В этой связи утвержденным 14 августа 1940 г. планом применения вооруженных сил США «Rainbow-4» предусматривался захват силами армии и флота ключевых объектов на северо-восточном побережье Бразилии, прежде всего морских портов и аэродромов¹², с тем чтобы закрыть для Германии вход на континент по кратчайшему пути (на большее сил у США не хватало).

Как стало известно из немецких документов, захваченных после войны, угроза не была мнимой. Вариант действий в направлении Южной Америки через Северо-Западную Африку в Берлине действительно рассматривали в 1940–1941 гг., вопрос был лишь в очередности операций в рамках общей стратегии. После того как 12 октября 1940 г. была отложена высадка на Британские острова (операция «Морской лев»), африканское направление и захват островов в Атлантическом океане стали приоритетными. Порядок боевых действий был утвержден 12 ноября 1940 г. директивой № 18¹³. Хотя эти планы и не были реализованы, Вашингтон извлек еще один урок, важный для формирования концепции «национальной безопасности» США.

Ключевую роль в продвижении вермахта в Западное полушарие по африканскому маршруту Гибралтар–Касабланка–Дакар должна была сыграть Испания [Френкель, 1993]. Однако 8 декабря 1940 г. Ф. Франко отказался предоставить территорию страны для проведения немецкой операции против Гибралтара. Поскольку других вариантов захвата этой ключевой позиции у рейха не было, осуществление планов, предусмотренных директивой № 18, пришлось отложить. В распоряжении Верховного командования вермахта от 11 декабря 1940 г. было указано: «Операция “Феликс” проведена не будет, так как для нее более не имеется политических предпосылок»¹⁴. А. Гитлеру пришлось изменить очередность проведения операций в рамках общей стратегии. Через неделю, 18 декабря 1940 г., была подписана директива № 21 (план «Барбаросса»), разработка которой велась уже несколько месяцев. К африканскому направлению было решено вернуться после ее реализации — как предполагалось, уже в новых

¹² Rainbow No. 4, August 14, 1940 // U.S. war plans: 1938–1945 / Ed. S.T. Ross. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2002. P. 33–54.

¹³ Директива ОКВ № 18 от 12 ноября 1940 года // Дашичев В.И. Указ. соч. С. 545–549.

¹⁴ Указания ОКВ от 11 декабря 1940 года об отмене операции «Феликс» // Дашичев В.И. Указ. соч. С. 558–559.

политических условиях. Разработка плана вторжения в Испанию (операция «Изабелла») началась в мае 1941 г.¹⁵

Из этого примера американские стратеги извлекли урок, что моральных обязательств союзников (Ф. Франко должен был быть благодарен А. Гитлеру и Б. Муссолини за помощь в гражданской войне, которая привела его к власти) совершенно недостаточно. В этой связи обеспечение «внешнего продолжения» национальной безопасности США должно было строиться на более жесткой конструкции — системе военных блоков с внутренней дисциплиной и конкретными обязательствами участников. Характерно, что создание такой конструкции началось именно с Латинской Америки и еще до окончания Второй мировой войны. Решением Чапультепекской конференции (Inter-American Conference on Problems of War and Peace), проходившей в Мехико 21 февраля — 8 марта 1945 г., устанавливался принцип коллективной самообороны и предусматривалась выработка механизмов совместных политических и военных действий в Западном полушарии¹⁶. Позднее эти решения были положены в основу Межамериканского договора о взаимной помощи (Пакт Рио), подписанного 2 сентября 1947 г., с которого началось создание системы военно-политических союзов, обеспечивающих национальные интересы США в глобальном масштабе.

Как было отмечено, после отмены операции «Феликс» очередность действий Германии была пересмотрена: на первое место выдвинулись операции на Балканах, за которыми должна была последовать реализация плана «Барбаросса». Только после победы над СССР в ставке А. Гитлера планировали вернуться к проектам «прыжка через Атлантику». Этого, как известно, не произошло.

В Вашингтоне шансы СССР выстоять в начавшейся 22 июня 1941 г. Великой Отечественной войне оценивали очень низко. Военная разведка считала, что Советский Союз капитулирует через несколько месяцев, после чего на территории СССР будет создан некий аналог режима Виши, который в лучшем случае выйдет из войны, в худшем — примкнет к «оси». Основой таких оценок были

¹⁵ Указание ОКВ об операции «Изабелла» от 9 мая 1941 года // Дашичев В.И. Указ. соч. С. 567–569.

¹⁶ Inter-American Reciprocal Assistance and Solidarity. Resolution approved by the Inter-American Conference on Problems of War and Peace at Mexico (Act of Chapultepec). March 6, 1945 // Treaties and other international agreements of the United States of America 1776–1949. Vol. 3. Multilateral 1931–1945. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1969. Available at: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/chapul.asp (accessed: 16.05.2020).

представления о Советском Союзе как о «колоссе на глиняных ногах», сформировавшиеся (не только в Вашингтоне, но и в Берлине) в значительной степени под впечатлением репрессий 1937–1938 гг. и хода советско-финской войны зимой 1939–1940 гг. Американские разведчики также обращали особое внимание на последствия коллективизации, в связи с чем, по их мнению, «значительная часть сельского населения встретит иностранную армию как освободителей» [цит. по: Печатнов, 2006: 14]. Учитывался и социальный срез Красной армии, основу которой составляли крестьяне, имевшие мотивы быть недовольными советской властью и соответственно не ощущавшие стимулов ее защищать. И вновь, как и летом 1940 г., события развивались вопреки предвоенным оценкам.

Возникали вопросы: в чем источники стойкости СССР и причины падения Франции, действительно оказавшейся «колоссом на глиняных ногах»; если Советский Союз, понеся огромные потери, выстоял и в 1941, и в 1942 г., то чего можно ожидать от этой страны в послевоенном мире? Поиски ответов на эти вопросы вновь приводили к содержанию понятия «национальная безопасность».

С одной стороны, это было необходимо для решения насущных проблем самих США. 1942-й был годом суровых испытаний для всей антигитлеровской коалиции. Большую часть года — с января (победы Красной армии под Москвой, Ростовом и Тихвином) по ноябрь (контрнаступления под Сталинградом и Эль-Аламейном, морская битва при Гуадалканале) — союзников преследовали неудачи, за исключением победы ВМС США при Мидуэе. «Внутренний фронт» в Соединенных Штатах давал трещины. Затягивание войны и отсутствие успехов начали подрывать веру в победу. Сказывались и социальные последствия Великой депрессии, так до конца и не преодоленные [Klingaman, 2019]. С другой стороны, необходимо было задуматься и об оптимальной организации послевоенного мира.

Уроки войны, замысел нового мирового порядка и национальная безопасность

После того как в начале 1943 г. наметился перелом в войне, приобрели актуальность размышления об устройстве будущего мира (системы международных отношений). Для того чтобы выработать представления об оптимальном миропорядке, требовалось прежде всего обобщить уроки межвоенного периода и втягивания государств в войну. Главным выводом выглядело то, что обеспечение «мира» в традиционном понимании как простого отсутствия войны является недостаточным. Нужно было иное, многомерное понятие.

Многомерность вытекала из необходимости учета целого ряда факторов, наличия многочисленных (прямых, обратных и перекрестных) связей между ними. Следовало принять во внимание особенности политики и вооруженной борьбы, продемонстрированные войной, роль экономики и социальных отношений.

Как показано в статье, понятие «национальная безопасность» уже существовало, и его содержание анализировали в научных кругах. Необходимо было это содержание уточнить с учетом полученных уроков, определить его критерии и, главное, приблизить к практическим нуждам, с тем чтобы сделать его инструментом при выработке политики, вооружить им лиц, принимающих решения. Значительную часть этой работы проделал У. Липпман, в то время — влиятельный политический комментатор и публицист. Он не просто был свидетелем двух мировых войн, как все люди его поколения, но в молодости участвовал в разработке «14 пунктов» В. Вильсона [Печатнов, 1994] и имел возможность сравнивать замыслы и результат. Кроме того, в межвоенный период он занимался проблемами социологии, разработал теорию «общественного мнения» (ему принадлежит авторство самого этого понятия). Весь его опыт подсказывал необходимость многомерного подхода к анализу «безопасности».

В 1943 г. У. Липпман выпустил книгу «Внешняя политика Соединенных Штатов: щит республики» [Lippmann, 1943], в которой утверждал, что при планировании нового мирового порядка необходимо избежать повторения ошибок межвоенного периода. Данный вывод не нуждался в доказательствах, поскольку был очевиден. Но У. Липпман не просто критиковал, он предложил новую основу для построения политики. По его мнению, в межвоенный период «идеал мира отвлек наше внимание от идеи национальной безопасности» [Lippmann, 1943: 35]. Он ссылаясь на авторитет «отцов-основателей», которые «не считали мир более важным, чем обеспечение национальной безопасности» [Lippmann, 1943: 36]. У. Липпман предложил строить политику на основании не идеалов, а национальных интересов. При этом простого отсутствия войны, по его мнению, недостаточно для их обеспечения. Он сформулировал следующее определение национальной безопасности: «... государство находится в состоянии безопасности, когда ему не приходится приносить в жертву свои законные интересы с целью избежать войны и когда оно способно при необходимости защитить эти интересы путем войны» [Lippmann, 1943: 38].

Понятие «национальные интересы» также не было новым, но именно в тот период оно привлекло особое внимание и было поло-

жено в основание новой школы в теории международных отношений — «политического реализма», манифест которой Г. Моргентау опубликовал вскоре после окончания войны, но написан он был на основе лекционного курса, преподававшегося им в Чикагском университете с 1943 г. [Morgenthau, 1948, 1951].

В работах У. Липпмана, Г. Моргентау и их единомышленников национальные интересы США не просто противопоставлялись универсальным (обеспечению мира), но должны были стать практической базой для политики построения нового миропорядка на основе всеобщего признания американских ценностей. Частью этой политики представлялось также всеобщее признание организации мировой экономики и социальных отношений на основе модели Нового курса [Мальков, 2009: 325–334; Kimball, 1991: 186–187], который, по выражению В.Л. Малькова, рассматривался как новая «мировая религия».

После принятия миром американских ценностей новый мировой порядок должен был стать средством обеспечения национальной безопасности США. Частью этого виделся новый экономический порядок, который бы обеспечивал устойчивое функционирование американской экономики. Концепция «национальной безопасности» с ее интегральным подходом должна была преодолеть существовавший в межвоенный период разрыв, когда внешняя политика США строилась на принципах изоляционизма, а в экономике проявлялась тенденция к экспансии [Leffler, 1992: 497–498]. При этом создание своего рода «внешнего продолжения» национальной безопасности не было возвращением к «вильсонизму», поскольку США не встраивались в систему, правила которой определяли другие державы, а сами вырабатывали порядок и условия ее функционирования.

Вместе с тем «внешнее продолжение» национальной безопасности США отождествлялось с международной безопасностью, что рассматривалось как условие прочного мира. Если сравнивать этот подход с тем, которым Вашингтон руководствовался в межвоенный период, то видно, что компоненты этого соотношения менялись местами: не внешний «мир» (отсутствие войны) обеспечивает безопасность США, а национальная безопасность Соединенных Штатов служит гарантией для остального мира. Оставалось только убедить в этом как американских сторонников изоляционизма, так и остальных участников международных отношений — не только побежденных, но и победителей. Как показали конференции в Думбартон-Оксе и Бреттоне-Вудсе (1944), это было непросто [Сидоров, 2018].

Для внутреннего употребления понятие «национальная безопасность» оказалось удачным лозунгом для мобилизации общественной поддержки политики, проводимой администрацией, поскольку задачу предлагалось решать «от противного» — ликвидировать угрозы до того, как они начнут вредить национальным интересам. При этом свою роль играла и психология, ведь антоним «национальной безопасности» — «нация в опасности!».

Новый подход к задачам национальной безопасности требовал и уточнения взглядов на оптимальный инструментарий ее обеспечения. Национальная безопасность становилась не просто «надстройкой» над внешней, военной, внутренней, экономической и социальной политикой, но и инструментом гармонизации этих сфер при защите национальных интересов.

В области внешней политики концепция «национальной безопасности» предлагала не просто замену «изоляционизму», а новый подход к выработке и реализации внешнеполитического курса, его интеграцию с другими компонентами деятельности государства. В условиях войны первоочередными задачами выглядели гармонизация политики и стратегии, а также оптимизация самой военной политики с учетом новых явлений в вооруженной борьбе — больше чем просто ведения боевых действий в трех сферах: на суше, на море и в воздухе.

По инициативе государственного секретаря Э. Стеттиниуса в конце 1944 г. для согласования внешней и военной политики был создан специальный орган — Координационный комитет Государственного департамента, Военного министерства и Морского министерства (State–War–Navy Coordinating Committee, SWNCC)¹⁷. Ведомства в комитете были представлены на уровне заместителей министров. Характерно время появления этой структуры — завершающий этап войны, когда влияние политических факторов резко возросло в связи с необходимостью связывать ведение боевых действий с представлениями об облике послевоенного мира, решением вопросов межсоюзнических отношений и проблемы оккупации территорий. Предмет деятельности комитета выходил за рамки традиционных задач военного ведомства и больше соответствовал понятию «национальная безопасность». Неслучайно его работа не прекратилась и после окончания войны, поскольку многомерность новых вызовов

¹⁷ Minutes of First Meeting of State-War-Navy Coordinating Committee. 19 December 1944 // Foreign Relations of the United States (FRUS): Diplomatic Papers. 1944. Vol. I. General. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1966. P. 1469–1470.

сохраняла актуальность координации усилий различных ведомств. SWNCC продолжать собираться и в 1946 г. (состоялось 20 заседаний по сравнению с 31 в 1945 г.). Его деятельность была свернута в 1947 г. после принятия Закона о национальной безопасности, когда был образован уже не межведомственный, а надведомственный орган — Совет национальной безопасности.

Вторым источником идеи образования органа, подчиненного непосредственно президенту, стали дискуссии о консолидации управления военной организацией государства с учетом уроков Второй мировой войны. Уже в 1943 г. началась разработка первых предложений по облику такого органа, который отражал бы задачи, общие для всех видов вооруженных сил (тогда уже было намечено выделить ВВС в самостоятельный третий вид). Инициативу проявил начальник штаба Армии генерал Дж. Маршалл, предложивший консолидировать управление военной организацией государства в едином «министерстве национальной обороны», структурными подразделениями которого будут существующие министерства — военное и морское — и создаваемое авиационное. Обсуждались также варианты создания органа, аналогичного британскому «военному кабинету» или Государственному комитету обороны в СССР. Следует отметить, что в США с их традиционным страхом перед «бонапартизмом» любые предложения по усилению полномочий военных всегда встречали настороженное отношение в Белом доме и в Конгрессе. Так было и в этот раз.

Оппозиция предложениям Дж. Маршалла со стороны Конгресса имела к тому же и ведомственную окраску. Против создания единого министерства выступил флот, который располагал собственным бюджетом и опасался (как показали дальнейшие события, справедливо), что при дележе «общего пирога» его интересы будут ущемлены. Представители ВМС также заявляли, что предлагаемая консолидация лишит их палубной авиации (ставшей во время войны главной ударной силой на море) и морской пехоты (в 1945 г. насчитывавшей более полумиллиона человек) [Barlow, 2009]. Единомышленниками морского министерства в этом вопросе были профильные комитеты палат Конгресса, члены которых, как правило, представляли регионы концентрации судостроительной промышленности.

Опасения ВМС за свой статус укреплялись по мере развития дискуссии об уроках войны в части новых форм ведения вооруженной борьбы, точнее, организационных выводов из этих обсуждений. Не подлежало сомнению, что военные действия окончательно приобрели третье измерение — воздушное пространство. На море это

проявилось в том, что роль главной ударной силы стала принадлежать авианосцам, а не артиллерийским кораблям. Но для флота это стало не только внутренней проблемой. ВВС Армии США, еще не превратившиеся в самостоятельный вид вооруженных сил, уже претендовали на монополию на ведение всех видов вооруженной борьбы в воздушном пространстве. Генералы ВВС объявляли весь флот анахронизмом и заявляли о своей готовности решать все задачи по проецированию силы в глобальном масштабе [Futrell, 1989; McFarland, 1996; Curatola, 2016]. Представители флота, продолжая отстаивать свою роль в качестве «большой дубинки» Вашингтона, указывали на то, что для проецирования силы необходимо иметь возможность вести борьбу во всех сферах: на поверхности воды, под водой, в воздухе и на суше. Теоретические споры 1944–1945 гг. вылились в ожесточенные столкновения в первые послевоенные годы, когда в условиях жестких бюджетных ограничений пришлось выбирать между бомбардировщиком В-36 и «суперавианосцем». После того как министр обороны Л. Джонсон сделал выбор в пользу самолета, строительство головного корабля CVA-58 «United States» было отменено 23 апреля 1949 г. — через четыре дня после его закладки. Это привело к расследованию в Конгрессе и серии громких отставок, вошедших в историю как «бунт адмиралов» [Szafranski, 1996; McFarland, Roll, 2005; Correll, 2018].

За этими ведомственными разногласиями стояли реальные проблемы. Продемонстрированные войной возможности проецирования силы (даже до появления ядерного оружия) действительно имели серьезные последствия не только для стратегии, но и для политики, т.е. выходили за рамки «обороны» и становились предметом «национальной безопасности». В.О. Печатнов в этой связи отмечает: «Новые вооружения и технологии ведения войны сжимали не только спасительное пространство, но и время, не оставляя зазора на военную конверсию промышленности, затяжную мобилизацию и подготовку личного состава вооруженных сил, который имели Соединенные Штаты в предыдущих мировых войнах, в том числе — за счет сражавшихся союзников» [Печатнов, 2009: 118].

Важные уроки в части новых возможностей проецирования силы были получены уже после перелома в войне. В ноябре 1944 г. состоялась первая в истории бомбардировка на межконтинентальную дальность. Для этого были использованы весьма экзотические и несовершенные средства, но фактом оставалось то, что впервые с 1814 г. на территорию США падали иностранные боеприпасы.

Жертвами одного из них 5 мая 1945 г. стали пять школьников и учительница в горах штата Орегон — единственные американцы, погибшие в результате боевых действий Второй мировой войны на континентальной части США.

3 ноября 1944 г. с территории Японии начался массовый запуск автоматических аэростатов, оснащенных фугасными и зажигательными бомбами (общим весом 50 кг) и несложной аппаратурой управления полетом и сброса боеприпасов. Замысел операции был основан на том, что над Тихим океаном на определенных высотах (от 9 до 11 км в зависимости от времени года и состояния атмосферы) существует постоянное воздушное течение, направленное с запада на восток. Выбор типа боеприпасов указывал на то, что главной целью было вызвать лесные пожары на западном побережье США. Всего в рамках операции было запущено более 9000 аэростатов, из которых около 1000 упали на территории США, а также в смежных районах Канады и Мексики [Дуге, 2009: 139–141].

Дата начала операции не была случайной — на 7 ноября 1944 г. в США были назначены выборы. Японцы рассчитывали не на материальный ущерб (зимой пожары вызвать труднее), а на возникновение паники, которая повлияет на настроения избирателей. Едва ли они решили таким способом помешать Ф. Рузвельту переизбраться, но изменить расстановку сил в Конгрессе, усилив позиции изоляционистов, это могло.

Японцы не были первопроходцами в попытке использовать особенности политической системы противника для слома его воли к сопротивлению уже на завершающем этапе войны. В январе–феврале 1944 г. Германия, рассчитывая на усталость англичан, провела операцию «Козерог» (это была попытка повторить «воздушный блиц» 1940 г. в надежде породить настроения в пользу сепаратного мира), но неудачно. Второй раз рейх применил похожую тактику в июне 1944 г., когда выпустил по территории Великобритании крылатые ракеты Fi-103, названные в пропагандистских целях V-1 («Фау-1»), но тоже неудачно — в значительной степени из-за несовершенства самих средств нападения. Наконец, в сентябре того же года была предпринята третья попытка, когда начались удары по британским городам баллистическими ракетами A-4, они же V-2 («Фау-2»). Время также было выбрано с учетом политико-психологических факторов.

7 сентября 1944 г. (в годовщину первого налета на Лондон в 1940 г.) Д. Сэндс, куратор противовоздушной обороны (ПВО) в «военном кабинете» и зять У. Черчилля, объявил на пресс-конференции

о победном завершении «Битвы за Англию», после чего жители Британских островов должны были вздохнуть спокойно. Но на следующий день, 8 сентября, на Лондон начали падать ракеты А-4 («Фау-2»), которые, в отличие от крылатых, были неуязвимы для системы ПВО. Средства эффективной защиты от баллистических ракет не найдены до сих пор, хотя именно с этого дня начинается история противоракетной обороны. Тем не менее политического результата Германии добиться не удалось: исход войны уже мало у кого вызывал сомнения.

Борьба с аэростатами также представляла сложную техническую проблему (было сбито не более 20 шаров), но власти США, быстро оценив логику японских бомбардировок, смогли принять эффективные контрмеры в иной плоскости. Был введен строжайший запрет на публикацию в прессе и озвучивание по радио какой-либо информации о японских аэростатах. Метод информационной блокады сработал: с одной стороны, паники населения и политических последствий удалось избежать, с другой — японцы оставались в неведении относительно результативности бомбардировок, что сыграло немалую роль в свертывании операции (последний запуск состоялся 20 апреля 1945 г.). Возможно, в 1942 г., когда общественные настроения были неустойчивыми, подобные действия противника достигли бы цели, но зимой 1944–1945 гг. было поздно.

Уже после войны были получены дополнительные данные, свидетельствующие о масштабе новых возможностей проецирования силы. После капитуляции Японии в руки американцев попали японские подводные лодки с самолетами, которые могли использоваться для нанесения ударов по наземным целям (прежде всего шлюзам Панамского канала). В Германии были захвачены не только ракеты А-4 и их конструкторы во главе с В. фон Брауном, но и проектные материалы по двухступенчатой ракете А-9/А-10, которая должна была доставлять боеприпасы весом 1 т на дальность 5000 км, т.е. могла бы атаковать восточное побережье США. Материалы проекта в 1946 г. тщательно изучили специалисты американской разведки, в том числе оценив возможность создания подобной ракеты в СССР [Crim, 2018: 112–113, 140]. Если этот проект был остановлен на «бумажной» стадии, то самолеты, известные под общим обозначением «Amerikabomber», были построены и проходили испытания. Один из них, «Junkers» Ju.390, вылетев с базы во Франции, пересек Атлантику, не дойдя 20 км до восточного побережья США, и вернулся на аэродром. Вторым бомбардировщиком аналогичного назначения был «Messerschmitt» Me.264 [Forsyth, Creek, 2006; Nowarra, 1997].

Эти тенденции означали, что в обеспечении национальной безопасности важную роль должна играть наука, причем не только традиционно ориентированные на оборону прикладные направления, но и новые отрасли знаний. Высокая наукоемкость новых военных технологий, появившихся во время Второй мировой войны, подчеркивала роль фундаментальной науки, т.е. разработок в гражданском секторе. Самыми очевидными примерами были роль теоретической физики и математики в создании средств наступления (ядерное оружие) и обороны (радиолокация, компьютеры). Комплексный характер угроз национальной безопасности требовал учета данных не только технических и естественных, но и общественных наук.

В этой связи в феврале 1945 г. военный министр США Г. Стимсон и морской министр Дж. Форрестол совместным решением образовали Комитет по исследованиям в интересах национальной безопасности (Research Board for National Security) [Kevles, 1975]. По мнению двух министров, на фоне уменьшения расходов на закупки серийных образцов (заказы начали сокращаться еще в 1944 г.) финансирование научных работ должно было сохраниться и в мирное время. Характерно, что в названии органа речь шла об исследованиях в интересах не «обороны», а «национальной безопасности». Перед американской наукой ставилась задача обеспечить отрыв от конкурентов — как противников, так и союзников. США должны были соревноваться только с «горизонтом», для определения которого в 1945 г. была начата серия крупных научно-исследовательских работ по долгосрочному прогнозированию тенденций развития технологий и военного дела [Бартенев, Веселов, 2015].

Значение прогнозирования вытекало также из уроков войны, а именно из роли фактора внезапности — как стратегической (Перл-Харбор), так и технологической (ракеты «Фау»). Проблеме внезапного нападения отводилось заметное место при определении возможного облика будущей войны. Один из первых документов этой серии был выпущен Комитетом начальников штабов 19 сентября 1945 г. и направлен в SWNCC. В документе, получившем обозначение SWNCC-282, указывалось, что любое следующее столкновение великих держав почти наверняка примет форму третьей мировой войны, избежать участия в которой США не смогут. Любое государство, которое в будущем попытается претендовать на мировую гегемонию, будет направлять свой удар по Соединенным Штатам до того, как они проведут мобилизацию вооруженных сил и промышленности, причем тенденции в развитии военных технологий способствуют осуществлению такого нападения. Таким образом,

США становятся уязвимы и лишаются былых преимуществ, обусловленных их географическим положением¹⁸.

Отсутствие времени на мобилизацию и стратегическое развертывание требовало содержания наличных сил, с которыми придется вступить в войну, на достаточно высоком уровне, в том числе на передовых рубежах на заморских театрах военных действий. Для этого в свою очередь нужна была сеть военных баз в ключевых, с точки зрения США, регионах. Сами передовые базы не были чем-то новым. Уже появление парового флота на океанских рубежах в XIX в. потребовало создания угольных станций, обеспечивавших действия кораблей. В межвоенный период бурное развитие зарубежных линий гражданской авиации рассматривалось в том числе как создание инфраструктуры, которая может использоваться ВВС.

В новой обстановке речь шла об изменении характера, масштабов и условий передового присутствия. Военные базы за рубежом становились каркасом создаваемой системы военно-политических союзов как «внешнего продолжения» национальной безопасности США и решали также задачи управления региональными балансами сил. Базы и союзы — это уже не «оборона» в традиционном смысле. Используемые американской авиацией и флотом аэродромы и порты в Европе, Северной Африке и Азии не защищали США, а обеспечивали проецирование силы. В свою очередь решение вопросов базирования выходило за рамки задач «обороны», поскольку требовало комплексного подхода, учета не только стратегических (конфигурация всей системы), но и внешнеполитических факторов (состав участников коалиции, условия ее формирования). Неслучайно обсуждение этой проблемы велось в рамках SWNCC. Создание системы передового базирования подчеркивало отсутствие границы между внутренней и внешней безопасностью. Практически одновременно с SWNCC-282 появился документ, сыгравший ключевую роль в утверждении концепции «национальной безопасности».

Закон о национальной безопасности и первые шаги по его реализации

Завершение войны в Европе стимулировало начало нового раунда борьбы Армии и ВМС вокруг предложений по оптимизации системы управления военной организацией государства. 15 мая 1945 г.

¹⁸ Basis for the formulation of a U.S. military policy. Memorandum prepared by the Joint Chiefs of Staff (SWNCC-282) // The Foreign Relations of the United States. 1946. Vol. I. General; the United Nations. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1972. P. 1160–1165.

сенатор Д. Уолш (председатель Комитета по военно-морским делам) предложил морскому министру Дж. Форрестолу проработать идею Совета национальной обороны как альтернативы предлагаемому Армией «суперминистерству»¹⁹. Одним источником этой идеи был уже функционировавший SWNCC, уровень которого предлагалось поднять, другим, тоже хорошо известным, — британская модель Имперского совета обороны, созданного в 1908 г., т.е. в мирное время (в тот же период, после русско-японской войны, аналогичный орган с похожими задачами появился в Российской империи — Совет государственной обороны, но о нем на Капитолийском холме, видимо, не знали). В этом предложении — создать не «военный кабинет» (также по британскому образцу), а орган мирного времени — уже содержалась подсказка: стирание грани между миром и войной — одна из ключевых идей концепции «национальной безопасности».

Для проработки этого вопроса Дж. Форрестол привлек своего однокурсника по Принстонскому университету Ф. Эберштадта, до войны — известного финансиста, с 1942 г. возглавлявшего правительственный Комитет по производству боеприпасов для армии и флота (Army and Navy Munitions Board), и выделил ему в помощь несколько десятков специалистов своего ведомства. Результатом стал объемный (почти 250 страниц) документ, известный как «доклад Эберштадта»²⁰, представленный морскому министру 25 сентября 1945 г.²¹

Ключевой идеей доклада было расширение повестки — от реорганизации системы управления обороной к созданию общегосударственного механизма обеспечения национальной безопасности. По мнению авторов, ссылавшихся на опыт войны, одной координации работы ведомств армии и флота недостаточно, необходимы интеграция военной и внешней политики, новая организация разведки и ресурсного обеспечения. «Главные задачи военной организации государства — обеспечение и защита национальной безопасности»²², под которыми подразумевались защита территории и владений США и силовое обеспечение внешней политики.

¹⁹ Unification of the War and Navy Departments and Postwar Organization for National Security. Report to Hon. James Forrestal, Secretary of the Navy. October 22, 1945. Washington, D.C.: United States Government printing office, 1945. P. III–IV. Available at: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=Kx7Csb-mj6MC&oi=fnd&pg=IA4&dq=national+security+1945&ots=bJ3UfvfFb0&sig=sZwhX3-x8pzvGDTX2TaSd-y1zOA&redir_esc=y (accessed: 17.05.2020).

²⁰ Ibid. P. 1–251.

²¹ Ibid. P. 1–2.

²² Ibid. P. 15.

В соответствии с новыми задачами авторы доклада предлагали создать два органа при президенте: Совет национальной безопасности и Комитет по ресурсам национальной безопасности (National Security Resources Board), а также централизовать разведку, которую Ф. Эберштадт позднее охарактеризовал как «первую линию обороны в атомный век» [цит. по: Warner, McDonald, 2005: 7]. Отдельные разделы доклада были посвящены науке и кадровому обеспечению национальной безопасности.

Дж. Форрестол согласился с этими предложениями и 18 октября 1945 г. отправил доклад в сенатский комитет как свой ответ на обращение Д. Уолша²³. В своих публичных выступлениях морской министр продвигал концепцию «национальной безопасности» как замену устаревшим представлениям об обеспечении обороны. Выступая на слушаниях по всеобщему военному обучению в Палате представителей, он отмечал: «Я использую здесь слово “безопасность” последовательно и постоянно вместо слова “оборона”» [цит. по: Yergin, 1977: 194]. При этом Дж. Форрестол пояснил, что вопросы национальной безопасности шире, чем проблемы армии и флота, при их рассмотрении необходимо принимать во внимание весь потенциал государства (промышленность, людские ресурсы, науку), а это выходит за рамки понятия «оборона».

Борьба двух концепций — «национальной обороны» (продвигаемой Армией) и «национальной безопасности» (поддерживаемой ВМС) — продолжалась на протяжении всего 1946 г. Президент Г. Трумэн первоначально симпатизировал первому варианту, но в итоге склонился ко второму. Свою роль сыграл упомянутый «призрак бонапартизма», видневшийся за предложением Армии. Но более важным было то, в 1946–1947 гг. руководство страны, несмотря на усиливавшуюся риторику «о происках коммунизма», было уверено в отсутствии непосредственных военных угроз для США.

В основе этого лежали как убежденность в собственном превосходстве (в первую очередь за счет атомной монополии), так и оценки реальных военных возможностей Советского Союза. Военные докладывали президенту о слабых местах вооруженных сил и промышленности СССР, с которыми они познакомились во время войны благодаря деятельности американских миссий и анализу советских заявок по ленд-лизу, обращая особое внимание на слабость ПВО и флота, отсутствие стратегической авиации [Leffler, 1994: 26–28; Jordan, 2000: 74]. Вместе с тем американские военные специалисты

²³ Ibid. P. VI.

высоко оценивали наступательный потенциал советских крупных механизированных формирований и опыт проведения стратегических операций заключительного периода войны. Более того, они считали практически неизбежной утрату Западной Германии в случае внезапного советского наступления. В этой связи планы применения американских войск в Европе первых послевоенных лет предусматривали их отступление до Рейна, а в пессимистичных сценариях — и до Пиренеев²⁴. Но при этом американская военная стратегия в Европе не была пораженческой и опиралась на опыт Второй мировой войны: сохранение плацдарма в виде Британских островов и последующая высадка на континенте по модели 1944 г. [Ross, 1996]. Именно такой сценарий был использован во время Корейской войны в 1950 г.: удержание Пусанского плацдарма и Инчхонская десантная операция. Условиями успеха подобной стратегии были доминирование на море и высокие шансы на завоевание господства в воздухе.

Таким образом, проблема обеспечения обороны в традиционном понимании в первые послевоенные годы была решена, но угрозы выглядели по-другому. По оценкам американской разведки, Советский Союз мог воспользоваться реальными трудностями европейских стран, политической нестабильностью, экономическими проблемами и социальной напряженностью, чтобы «захватить их изнутри», не прибегая к использованию военной силы в традиционной форме [Leffler, 1994: 30]. Это означало, что «иракский сценарий 1941 года», реализации которого на территории Латинской Америки США опасались во время войны, мог быть осуществлен после 1945 г. в Европе и Азии. Для противодействия этой угрозе требовались соответствующие инструменты, предоставить которые оптимизация системы военного управления не могла.

В результате концепция «национальной безопасности» была воспринята. 26 июля 1947 г. президент Г. Трумэн подписал Закон о национальной безопасности²⁵, которым учреждались Совет национальной безопасности, Комитет по ресурсам национальной безопасности, Центральное разведывательное управление и Минис-

²⁴America's plans for war against the Soviet Union, 1945–1950. A 15-volume set reproducing in facsimile 98 plans and studies created by the Joint Chiefs of Staff / Ed. by S.T. Ross, D.A. Rosenberg. Vol. 1. The Strategic Environment. New York, London: Garland Publishing, Inc., 1990.

²⁵National Security Act of 1947. Public Law 80–253. July 26, 1947 // The National Archives and Records Administration. Available at: <https://catalog.archives.gov/id/299856> (accessed: 12.05.2020).

терство обороны (точнее, законом было учреждено не министерство, а «военное ведомство» (National Military Establishment) во главе с министром обороны и тремя специальными помощниками по видам вооруженных сил). Таким образом, была создана «надстройка», призванная интегрировать политику, экономику и стратегию во внешнем и внутреннем измерениях, в том числе: внутреннюю политику с внешней; политику с экономикой; политику со стратегией; политику с идеологией (внутри страны и за рубежом). Такая интеграция должна была обеспечивать национальные интересы США без перехода порога войны, поскольку появление ядерного оружия даже в условиях атомной монополии требовало тщательного соизмерения целей и затрачиваемых на их достижение средств.

Созданный механизм должен был решить не одну, а две задачи: обеспечивать национальную безопасность США и подрывать национальную безопасность их противников, прежде всего Советского Союза, быстро превратившегося во врага № 1. При этом наличие внешней угрозы имело и обратную сторону: она помогала окончательно победить изоляционизм в Соединенных Штатах.

Как было отмечено, безопасность рассматривалась создателями концепции как активное средство продвижения, а не простой защиты национальных интересов США. Вскоре после принятия закона это привело к появлению нового инструмента — разработанной Дж. Кеннаном концепции «политической войны» как средства реализации его же идей «сдерживания» (containment). Содержание этой концепции Дж. Кеннан изложил в документе, предназначенном для Совета национальной безопасности и имевшем высший гриф секретности.

По его словам, «политическая война является логическим продолжением доктрины Клаузевица для мирного времени. В самом широком смысле политическая война представляет собой применение всех средств, имеющихся в распоряжении государственного руководства, не являющихся войной [short of war], в интересах достижения национальных целей. Подобные действия могут быть явными и тайными. Их диапазон простирается от таких явных мер, как заключение политических союзов, экономические мероприятия (наподобие “Программы восстановления Европы”) и “белая” пропаганда, до таких тайных операций, как поддержка дружественных сил за рубежом, “черная” психологическая война и даже поощрение вооруженного подполья в государствах-противниках»²⁶.

²⁶ Kennan G.F. The Inauguration of Organized Political Warfare. April 30, 1948 // Wilson Center. Digital Archive International History Declassified. Available at: <https://>

При редактировании документа Дж. Кеннан вычеркнул уточнение, что перечисленные меры должны одновременно укреплять собственную безопасность и ослаблять противника, но и без этого дополнения было очевидно, что «национальная безопасность» рассматривалась как наступательное оружие. В этой связи весьма примечательно включение Дж. Кеннаном «плана Маршалла» в спектр «политической войны». Это свидетельствует о том, что задача данного проекта была не только и не столько в экономической помощи странам Европы (программа была объявлена, когда самый трудный период — первые два послевоенных года — был уже позади), сколько в укреплении в этих государствах проамериканской элиты как опоры при достижении внешнеполитических и военно-политических целей США. Приведенный пример еще раз демонстрирует интегральный характер концепции «национальной безопасности», включающей политические, экономические и психологические компоненты.

* * *

Вторая мировая война была многомерным явлением, и такими же многомерными оказались извлеченные из нее уроки. Один из них заключался в понимании необходимости выработки и принятия концепции «национальной безопасности» как нового инструмента политики, интегрирующего все компоненты мощи государства. Это был не просто удачный термин, позитивная эмоциональная окраска которого отвечала нуждам строительства нового миропорядка и позволяла консолидировать не только вооруженные силы, но и общественную поддержку. Именно такой инструмент оказался востребован в ситуации, когда на смену глобальному конфликту пришел не «мир» в традиционном понимании, а новое состояние международных отношений, получившее обозначение «холодная война».

Концепция, в названии которой присутствует слово «национальная», в действительности служила интересам формирования нового мироустройства, но в этом не было противоречия — это был миропорядок для одной державы, одной «нации» (имея в виду принятое в США толкование понятие *nation*). Это объясняет неудачу попыток найти ему замену после окончания «холодной войны» в виде, например, концепции «кооперационной безопасности» (*cooperative security*).

Завершение биполярного противостояния не привело к списанию концепции «национальной безопасности» в архив. Более того, она стала снова востребованной в своем исходном варианте, существовавшем до 1950 г., когда начался перекося в сторону милитаризации. Разработанная Дж. Кеннаном в 1946–1947 гг. концепция «политической войны» стала инструментом построения нового миропорядка в 1990-е годы и в XXI в. Представление об отсутствии границы между внутренней и внешней безопасностью, о необходимости «внешнего продолжения» национальной безопасности США было исходным моментом при формировании концепции однополярного мира как оптимальной, с точки зрения Вашингтона, формы организации международных отношений. Концепция «политической войны» стала востребована вновь, когда администрация Д. Трампа охарактеризовала современные международные отношения как «возвращение соперничества великих держав». Именно в разработках первых лет «холодной войны» можно найти истоки и «цветных революций», и санкционного давления, и информационных войн.

В этой связи информационные баталии вокруг Второй мировой войны не являются случайными. Мы по-прежнему живем в послевоенном мире, история которого насчитывает уже три четверти века. Мы существуем в системе международных отношений, сформированной по итогам Второй мировой войны, и всё еще учимся на ее уроках.

«Тень» этого конфликта оказалась очень длинной. В ней выросла концепция «национальной безопасности», развивавшаяся и вглубь, и вширь, затем появились концепции «мягкой силы», «умной силы», «гибридной войны» и др. Эволюция концепции «национальной безопасности» может стать предметом дальнейшего исследования, имеющего не только теоретический, но и прикладной характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонова Г.А. Совет национальной безопасности США: история создания и начальный период деятельности. 1947–1960. М.: Наука, 1977.
2. Бартенев В.И., Веселов В.А. «К новым горизонтам»: американский опыт долгосрочного технологического прогнозирования в интересах национальной безопасности 1944–1946 гг. // Клио. 2015. № 12 (108). С. 135–146.
3. Батюк В.И. Холодная война между США и СССР (1945–1991 гг.): очерки истории. М.: Весь мир, 2018.
4. Веселов В.А., Фененко А.В. «Воздушная мощь» в мировой политике // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3. С. 6–27. DOI: 10.17994/IT.2016.14.3.46.2.

5. Коваль В.С. Политика и стратегия США во Второй мировой войне (проблема парирования угрозы из Европы до перелома в войне). Киев: Наукова думка, 1987.

6. Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М.: Наука, 2004.

7. Мальков В.Л. Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М.: Наука, 2009.

8. Манькин А.С. Изоляционизм и формирование внешнеполитического курса США (1923–1929). М.: Издательство МГУ, 1980.

9. Манькин А.С. От сотрудничества к конфликтному взаимодействию: трансформация американских подходов по отношению к СССР в 1945–1947 гг. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2018. № 4. С. 19–29.

10. Минкова К.В. «Заложить основу мирного экономического сотрудничества между разными экономическими мирами»: дискуссии по экономическим вопросам в советско-американских отношениях 1945–1946 гг. // Клио. 2016. № 7. С. 110–116.

11. Петровский В.Ф. Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США. М.: Международные отношения, 1980.

12. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М.: Терра, 2006.

13. Печатнов В.О. Уолтер Липпман и пути Америки. М.: Международные отношения, 1994.

14. Печатнов В.О. Уроки Второй мировой войны в военно-политическом планировании США и СССР на послевоенный период // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 116–133.

15. Сидоров А.А. Англо-американские переговоры в годы Второй мировой войны и формирование основ послевоенной международной торговой системы // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 39–57.

16. Сидоров А.А. «Единый мир» глазами Рузвельта: финансово-экономические аспекты американских планов послевоенного мирового устройства // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 64–76.

17. Сидоров А.А. «Новый курс» для «нового мира»: американские планы послевоенного международного устройства // Преподавание истории и обществознания в школе. 2017. № 4. С. 16–25.

18. Фененко А.В., Веселов В.А. Противовоздушная мощь в мировой политике // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 2. С. 47–69. DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.2.

19. Френкель М.Ю. Планы вторжения германской армии в Америку в 1940–1942 гг. // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 12. С. 73–81.

20. Barlow J.G. From hot war to cold: The US Navy and national security affairs, 1945–1955. Stanford: Stanford University Press, 2009.

21. Bowers P.M. *Boeing Aircraft since 1916*. 3rd ed. Annapolis: Naval Institute Press, 1989.
22. Brands H. *What good is grand strategy? Power and purpose in American statecraft from Harry S. Truman to George W. Bush*. Ithaca: Cornell University Press, 2014.
23. Cairns J.C. Planning for 'la guerre des masses': Constraints and contradictions in France before 1940 // *Military planning in the Twentieth century: proceedings of the Eleventh Military History Symposium, 10–12 October 1984* / Ed. by H.R. Borowski. Washington, D.C.: U.S. Air Force, Office of Air Force History, 1986. P. 37–66.
24. Correll J.T. The revolt of the admirals // *Air Force Magazine*. 2018. No. 7. P. 54–59.
25. Crim B.E. *Our Germans: Project Paperclip and the national security state*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2018.
26. Cull N.J. *Selling war: The British propaganda campaign against American 'neutrality' in World War II*. Oxford, New York: Oxford University Press, 1995.
27. Curatola J.M. *Bigger bombs for a brighter tomorrow: The Strategic Air Command and American war plans at the dawn of the atomic age, 1945–1950*. Jefferson: McFarland & Company, 2016.
28. Dallek M. *Defenseless under the night: The Roosevelt years and the origins of homeland security*. New York, Oxford: Oxford University Press, 2016.
29. Dyer E.M. *Japanese secret projects: Experimental aircraft of the IJA & IJN 1939–1945*. Hersham: Midland Publishing, 2009.
30. Earle E.M. American military policy and national security // *Political Science Quarterly*, 1938. Vol. 53. No. 1. P. 1–13. Available at: www.jstor.org/stable/2143601 (accessed: 14.05.2020).
31. Earle E.M. American security — its changing conditions // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1941. Vol. 18. No. 2. P. 186–193. Available at: www.jstor.org/stable/1023250 (accessed: 14.05.2020).
32. Earle E.M. Political and military strategy for the United States // *Proceedings of the Academy of Political Science*. 1941. Vol. 19. No. 2. P. 1–9. Available at: www.jstor.org/stable/1172583 (accessed: 14.05.2020).
33. Ekbladh D. *The great American mission: Modernization and the construction of an American world order*. Princeton: Princeton University Press, 2010.
34. Engel J.A. *Cold War at 30,000 feet: The Anglo-American fight for aviation supremacy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007.
35. Fergie D. *Geopolitics turned inwards: The Princeton Military Studies Group and the national security imagination* // *Diplomatic History*. 2019. Vol. 43. No. 4. P. 644–670. DOI: 10.1093/dh/dhz026.
36. Fordham B.O. *Building the Cold War consensus: The political economy of U.S. national security policy, 1949–1951*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998.
37. Forsyth R., Creek E.J. *Messerschmitt Me 264 Amerika Bomber: The Luftwaffe's lost transatlantic bomber*. Hersham: Midland Publishing, 2006.

38. Futrell R.F. Ideas, concepts, doctrine. Vol. I. Basic thinking in the United States Air Force, 1907–1960. Maxwell: Air University Press, 1989.
39. Gaddis J.L. Strategies of containment: A critical appraisal of American national security policy during the Cold War. Revised and expanded edition. New York, Oxford: Oxford University Press, 2005.
40. Gray C.S. Harry S. Truman and the forming of American grand strategy in the Cold War, 1945–1953 // The shaping of grand strategy: Policy, diplomacy, and war / Ed. by W. Murray, R.H. Sinnreich, J. Lacey. New York: Cambridge University Press, 2011. P. 210–253.
41. Helleiner E. Forgotten foundations of Bretton Woods. Ithaca: Cornell University Press, 2014.
42. Hogan M.J. A Cross of Iron: Harry S. Truman and the origins of the national security state, 1945–1954. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1998.
43. Holm M. The Marshall Plan: A New Deal for Europe. New York: Routledge, 2017.
44. Hoopes T., Brinkley D. Driven patriot: The life and times of James Forrestal. Annapolis: Naval Institute Press, 2012.
45. Horowitz S. Restarting globalization after World War II: Structure, coalitions, and the Cold War // Comparative Political Studies. 2004. Vol. 37. No. 2. P. 127–151.
46. Ikenberry G.J. After victory: Institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars. Princeton: Princeton University Press, 2009.
47. Jackson I. The economic Cold War: America, Britain and East-West trade, 1948–1963. New York: Palgrave Macmillan, 2001.
48. Jacobsen M.K. Convair B-36: A comprehensive history of America's 'Big Stick'. Atglen: Schiffer Military History, 1997.
49. Jordan R.S. Norstad: Cold War NATO Supreme Commander: Airman, strategist, diplomat. London: Palgrave Macmillan, 2000.
50. Kevles D.J. Scientists, the military, and the control of postwar defense research: The case of the Research Board for National Security, 1944–46 // Technology and Culture. 1975. Vol. 16. No. 1. P. 20–47.
51. Kimball W.F. The Juggler: Franklin Roosevelt as wartime statesman. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.
52. Klingaman W.K. The darkest year: The American home front 1941–1942. New York: St. Martin's Press, 2019.
53. Lacey J. The economic making of peace // The making of peace: Rulers, states, and the aftermath of war / Ed. by W. Murray, J. Lacey. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2008. P. 309–322.
54. LaFeber W. America, Russia, and the Cold War, 1945–2006. 10th ed. Boston: McGraw-Hill, 2008.
55. Latham R. The liberal moment: Modernity, security, and the making of postwar international order. New York: Columbia University Press, 1997.
56. Layne C. The peace of illusions: American grand strategy from 1940 to the present. Ithaca: Cornell University Press, 2006.

57. Leffler M.P. National security and US foreign policy // Origins of the Cold War: An international history / Ed. by M.P. Leffler, D.S. Painter. London, New York: Routledge, 1994. P. 15–52.

58. Leffler M.P. A preponderance of power: National security, the Truman administration, and the Cold War. Stanford: Stanford University Press, 1992.

59. Leffler M.P. Safeguarding democratic capitalism: U.S. foreign policy and national security, 1920–2015. Princeton: Princeton University Press, 2017.

60. Lippmann W. U.S. foreign policy: Shield of republic. New York: Pocket books, 1943.

61. McFarland K.D., Roll D.L. Louis Johnson and the arming of America: The Roosevelt and Truman years. Bloomington: Indiana University Press, 2005.

62. McFarland S.L. The Air Force in the Cold War, 1945–1960: Birth of a new defense paradigm // *Airpower Journal*. 1996. Vol. 10. No. 3. P. 4–15.

63. Mitchell W.C. et al. Discussion: The bases of an American defense policy: Armed forces // *Proceedings of the Academy of Political Science*. 1941. Vol. 19. No. 2. P. 49–57.

64. Morgenthau H.J. In defense of the national interest. New York: Knopf, 1951.

65. Morgenthau H.J. Politics among nations: The struggle for power and peace. New York: A.A. Knopf, 1948.

66. Nowarra H.J. Junkers — Ju 290, Ju 390, etc. [translated from the German by D. Cox]. Atglen, PA: Schiffer, 1997.

67. Nelson A.K. The evolution of the national security state: ubiquitous and endless // *The long war: A new history of U.S. national security policy since World War II* / Ed. by A.J. Bacevich. New York: Columbia University Press, 2007. P. 265–301.

68. Offley E. The burning shore: How Hitler's U-boats brought World War II to America. New York: Basic Books, 2014.

69. Parmar I. 'Mobilizing America for an internationalist foreign policy': The role of the Council on Foreign Relations // *Studies in American Political Development*. 1999. Vol. 13. No. 2. P. 337–373.

70. Patel K.K. The New Deal: A global history. Princeton: Princeton University Press, 2017.

71. Patrick S. Best laid plans: The origins of American multilateralism and the dawn of the Cold War. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2009.

72. Perez R.C., Willett E.F. The will to win: A biography of Ferdinand Eberstadt. New York: Greenwood Press, 1989.

73. Pollard R.A. Economic security and the origins of the Cold War, 1945–1950. New York: Columbia University Press, 1985.

74. Porter P. Beyond the American century: Walter Lippmann and American grand strategy, 1943–1950 // *Diplomacy and Statecraft*. 2011. Vol. 22. No. 4. P. 557–577.

75. Quester G.H. Deterrence before Hiroshima: The airpower background of modern strategy. New York: Wiley, 1966.

76. Rosenboim O. The emergence of globalism: Visions of world order in Britain and the United States, 1939–1950. Princeton: Princeton University Press, 2017.

77. Ross S.T. American war plans, 1945–1950: Strategies for defeating the Soviet Union. London: Frank Cass, 1996.

78. Steel R. Walter Lippmann and the American Century. Boston: Little, Brown & Co, 1980.

79. Stoler M.A. Allies and adversaries: The Joint Chiefs of Staff, the Grand Alliance, and U.S. strategy in World War II. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000.

80. Szafranski R. Interservice rivalry in action: The endless roles and missions refrain // *Airpower Journal*. 1996. Vol. 10. No. 2. P. 48–59.

81. Taylor G.D. The Axis replacement program: Economic warfare and the chemical industry in Latin America, 1942–44 // *Diplomatic History*. 1984. Vol. 8. No. 2. P. 145–164.

82. Thompson J.A. Conceptions of national security and American entry into World War II // *Diplomacy and Statecraft*. 2005. Vol. 16. No. 4. P. 671–697.

83. Thompson J.A. The geopolitical vision: The myth of an outmatched USA // *Uncertain empire: American history and the idea of the Cold War* / Ed. by J. Isaac, D. Bell. Oxford, New York: Oxford University Press, 2012. P. 91–114.

84. Thompson J.A. A sense of power: The roots of America's global role. Ithaca: Cornell University Press, 2015.

85. Waddell B. Toward the national security state: Civil-military relations during World War II. Westport: Praeger, 2008.

86. Ward R.D. The origin and activities of the National Security League, 1914–1919 // *The Mississippi Valley Historical Review*. 1960. Vol. 47. No. 1. P. 51–65. Available at: www.jstor.org/stable/1891278 (accessed: 14.05.2020).

87. Warner M., McDonald J.K. US intelligence community reform studies since 1947. Washington, D.C.: Center for the Study of Intelligence, 2005. Available at: <https://fas.org/irp/cia/product/reform.pdf> (accessed: 16.05.2020).

88. Yergin D. Shattered peace: The origins of the Cold War and the national security state. New York: Houghton Mifflin, 1977.

V.A. Veselov

**A LONG SHADOW OF WORLD WAR II:
DEVELOPMENT OF THE NATIONAL SECURITY CONCEPT
IN THE UNITED STATES**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In recent years, the history of World War II has transformed into a battlefield in its own right in the ‘war of memory’. Besides the clear fact that the

current attempts to revise the results of this war reflect the contemporary international tensions, yet another factor should be noted. The ‘shadow’ of the Second World War appears to be very long. It manifests itself not only in the contemporary system of international relations, but also in the fact that we still view the world around through the prism of concepts that appeared during the state of war and still bear its mark. Particularly, the concept of national security. This paper examines the emergence and development of this concept in the United States. The author notes that although the concept of national security existed throughout the 20th century, before World War II it was identified primarily with the defense of the state. The paper examines how lessons of the Second World War led to a rethinking of this concept, and how approaches to national security evolved during the war and immediately after it. Special attention is given to discussions that preceded the adoption of the National Security Act of 1947, as well as to its initial results. The author demonstrates that the national security concept was based on a fundamental recognition of the existence of a special state between peace and war. For successful functioning within this state, the government needs to rely on a wide range of tools of both economic and military-political and ideological nature. Based on the lessons from the war, national security was viewed as an ‘overarching structure’, aimed not only at integrating various components of the state’s policy, but also at eliminating any contradictions that may arise between them. On the other hand, the author emphasizes that from the very beginning the national security concept had a pronounced proactive, offensive and expansionist character. Being considered as an antipode to the concept of collective security, this concept reflected the will of the US elites not only to get integrated in the existing system of international relations, but to create a new one, which would be based on the American values and would ensure the stable functioning of the US economy. The author concludes that it is precisely the multidimensionality of the national security concept caused by the multidimensional nature of the challenges of World War II that explains its continued relevance for the study of world politics.

Keywords: World War II, national security, the United States, military strategy, defense, military policy, international security, collective security.

About the author: *Vasilii A. Veselov* — PhD (History), Deputy Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

REFERENCES

1. Agafonova G.A. 1977. *Sovet natsional'noi bezopasnosti SShA: istoriya sozdaniya i nachal'nyi period deyatel'nosti. 1947–1960* [United States National Security Council: Creation and early history. 1947–1960]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

2. Bartenev V.I., Veselov V.A. 2015. 'K novym gorizontam': amerikanskii opyt dolgosrochnogo tekhnologicheskogo prognozirovaniya v interesakh natsional'noi bezopasnosti 1944–1946 gg. ['Toward new horizons': The U.S. experience of long-term technology foresight in the interest of national security (1944–1946)]. *Klio*, no. 12 (108), pp. 135–146. (In Russ.)

3. Batyuk V.I. 2018. *Kholodnaya voina mezhdu SShA i SSSR (1945–1991 gg.): ocherki istorii* [The Cold War between the United States and the Soviet Union: Essays on history]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

4. Veselov V.A., Fenenko A.V. 2016. 'Vozdushnaya moshch' v mirovoi politike ['Air power' in international politics]. *International trends*, vol. 14, no. 3, pp. 6–27. DOI: 10.17994/IT.2016.14.3.46.2. (In Russ.)

5. Koval' V.S. 1987. *Politika i strategiya SShA vo Vtoroi mirovoi voine (problema parirovaniya ugrozy iz Evropy do pereloma v voine)* [The United States' policy and strategy in the Second World War (Countering threats from Europe before the turning point in the war)]. Kiev, Naukova dumka Publ. (In Russ.)

6. Mal'kov V.L. 2004. *Put' k imperstvu: Amerika v pervoi polovine XX veka* [The path to empire: America in the first half of the twentieth century]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

7. Mal'kov V.L. 2009. *Rossiya i SShA v XX veke* [Russia and the United States in the 20th century]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

8. Manykin A.S. 1980. *Izolyatsionizm i formirovanie vneshnepoliticheskogo kursa SShA (1923–1929)* [Isolationism and the development of the United States' foreign policy (1923–1929)]. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.)

9. Manykin A.S. 2018. Ot sotrudnichestva k konfliktnomu vzaimodeistviyu: transformatsiya amerikanskikh podkhodov po otnosheniyu k SSSR v 1945–1947 gg. [From cooperation to conflict interaction: Transformation of American policy towards Soviet Union in 1945–1947]. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*, no. 4, pp. 19–29. (In Russ.)

10. Minkova K.V. 2016. 'Zalozhit' osnovu mirnogo ekonomicheskogo sotrudnichestva mezhdu raznymi ekonomicheskimi mirami': diskussii po ekonomicheskim voprosam v sovetsko-amerikanskikh otnosheniyakh 1945–1946 gg. ['To lay the basis for peaceful economic collaboration between different economic worlds': Discussions on economic issues in the US-Soviet relations (1945–1946)]. *Klio*, no. 7, pp. 110–116. (In Russ.)

11. Petrovskii V.F. 1980. *Doktrina 'natsional'noi bezopasnosti' v global'noi strategii SShA* [The doctrine of 'national security' in the US global strategy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

12. Pechatnov V.O. 2006. *Stalin, Ruzvel't, Truman: SSSR i SShA v 1940-kh gg.* [Stalin, Roosevelt, Truman: The Soviet Union and the United States in 1940s]. Moscow, Terra Publ. (In Russ.)

13. Pechatnov V.O. 1994. *Uolter Lippman i puti Ameriki* [Walter Lippmann and paths of America]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

14. Pechatnov V.O. 2009. Uroki Vtoroi mirovoi voiny v voenno-politicheskom planirovanii SShA i SSSR na poslevoennyi period [The lessons of the Second

World War in the American and Soviet strategic planning for the postwar period]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 1, pp. 116–133. (In Russ.)

15. Sidorov A.A. 2018. Anglo-amerikanskije peregovory v gody Vtoroi mirovoi voiny i formirovanie osnov poslevoennoi mezhdunarodnoi trgovoi sistemy [Anglo-American negotiations and the formation of the foundations of the postwar international trading system during the Second World War]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 2, pp. 39–57. (In Russ.)

16. Sidorov A.A. 2016. ‘Edinyi mir’ glazami Ruzvel’ta: finansovo-ekonomicheskie aspekty amerikanskikh planov poslevoennogo mirovogo ustroistva [‘One world’ of Roosevelt: Financial and economic aspects of the American post-war world order plans]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 3, pp. 64–76. (In Russ.)

17. Sidorov A.A. 2017. ‘Novyi kurs’ dlya ‘novogo mira’: amerikanskije plany poslevoennogo mezhdunarodnogo ustroistva [‘New Deal’ for the ‘New World’: American plans for the postwar international order]. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*, no. 4, pp. 16–25. (In Russ.)

18. Fenenko A.V., Veselov V.A. 2019. Protivovozdushnaya moshch’ v mirovoi politike [Counter-air power in international politics]. *International trends*, vol. 17, no. 2, pp. 47–69. DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.2. (In Russ.)

19. Frenkel’ M.Yu. 1993. Plany vtorzheniya germanskoj armii v Ameriku v 1940–1942 gg. [The German army plans for the invasion of the United States in 1940–1942]. *USA & Canada: economics, politics, culture*, no. 12, pp. 73–81. (In Russ.)

20. Barlow J.G. 2009. *From hot war to cold: The US Navy and national security affairs, 1945–1955*. Stanford, Stanford University Press.

21. Bowers P.M. 1989. *Boeing Aircraft since 1916*. 3rd ed. Annapolis, Naval Institute Press.

22. Brands H. 2014. *What good is grand strategy? Power and purpose in American statecraft from Harry S. Truman to George W. Bush*. Ithaca, Cornell University Press.

23. Cairns J.C. 1986. Planning for ‘la guerre des masses’: Constraints and contradictions in France before 1940. In Borowski H.R. (ed.). *Military planning in the Twentieth century: proceedings of the Eleventh Military History Symposium, 10–12 October 1984*. Washington, D.C., U.S. Air Force, Office of Air Force History, pp. 37–66.

24. Correll J.T. 2018. The revolt of the admirals. *Air Force Magazine*, no. 7, pp. 54–59.

25. Crim B.E. 2018. *Our Germans: Project Paperclip and the national security state*. Baltimore, Johns Hopkins University Press.

26. Cull N.J. 1995. *Selling war: The British propaganda campaign against American ‘neutrality’ in World War II*. Oxford, New York, Oxford University Press.

27. Curatola J.M. 2016. *Bigger bombs for a brighter tomorrow: The Strategic Air Command and American war plans at the dawn of the atomic age, 1945–1950*. Jefferson, McFarland & Company.

28. Dallek M. 2016. *Defenseless under the night: The Roosevelt years and the origins of homeland security*. New York, Oxford, Oxford University Press.
29. Dyer E.M. 2009. *Japanese secret projects: Experimental aircraft of the IJA & IJN 1939–1945*. Hersham, Midland Publishing.
30. Earle E.M. 1938. American military policy and national security. *Political Science Quarterly*, vol. 53, no. 1, pp. 1–13. Available at: www.jstor.org/stable/2143601 (accessed: 14.05.2020).
31. Earle E.M. 1941a. American security — its changing conditions. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 18, no. 2, pp. 186–193. Available at: www.jstor.org/stable/1023250 (accessed: 14.05.2020).
32. Earle E.M. 1941b. Political and military strategy for the United States. *Proceedings of the Academy of Political Science*, vol. 19, no. 2, pp. 1–9. Available at: www.jstor.org/stable/1172583 (accessed: 14.05.2020).
33. Ekbladh D. 2010. *The great American mission: Modernization and the construction of an American world order*. Princeton, Princeton University Press.
34. Engel J.A. 2007. *Cold War at 30,000 feet: The Anglo-American fight for aviation supremacy*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
35. Fergie D. 2019. Geopolitics turned inwards: The Princeton Military Studies Group and the national security imagination. *Diplomatic History*, vol. 43, no. 4, pp. 644–670. DOI: 10.1093/dh/dhz026.
36. Fordham B.O. 1998. *Building the Cold War consensus: The political economy of U.S. national security policy, 1949–1951*. Ann Arbor, University of Michigan Press.
37. Forsyth R., Creek E.J. 2006. *Messerschmitt Me 264 Amerika Bomber: The Luftwaffe's lost transatlantic bomber*. Hersham, Midland Publishing.
38. Futrell R.F. 1989. *Ideas, concepts, doctrine. Vol. I. Basic thinking in the United States Air Force, 1907–1960*. Maxwell, Air University Press.
39. Gaddis J.L. 2005. *Strategies of containment: A critical appraisal of American national security policy during the Cold War*. Revised and expanded edition. New York, Oxford, Oxford University Press.
40. Gray C.S. 2011. Harry S. Truman and the forming of American grand strategy in the Cold War, 1945–1953. In Murray W., Sinnreich R.H., Lacey J. (eds.). *The shaping of grand strategy: Policy, diplomacy, and war*. New York, Cambridge University Press, pp. 210–253.
41. Helleiner E. 2014. *Forgotten foundations of Bretton Woods*. Ithaca, Cornell University Press.
42. Hogan M.J. 1998. *A Cross of Iron: Harry S. Truman and the origins of the national security state, 1945–1954*. Cambridge, New York, Cambridge University Press.
43. Holm M. 2017. *The Marshall Plan: A New Deal for Europe*. New York, Routledge.
44. Hoopes T., Brinkley D. 2012. *Driven patriot: The life and times of James Forrestal*. Annapolis, Naval Institute Press.

45. Horowitz S. 2004. Restarting globalization after World War II: Structure, coalitions, and the Cold War. *Comparative Political Studies*, vol. 37, no. 2, pp. 127–151.
46. Ikenberry G.J. 2009. *After victory: Institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars*. Princeton, Princeton University Press.
47. Jackson I. 2001. *The economic Cold War: America, Britain and East-West trade, 1948–1963*. New York, Palgrave Macmillan.
48. Jacobsen M.K. 1997. *Convair B-36: A comprehensive history of America's 'Big Stick'*. Atglen, Schiffer Military History.
49. Jordan R.S. 2000. *Norstad: Cold War NATO Supreme Commander: Airman, strategist, diplomat*. London, Palgrave Macmillan.
50. Kevles D.J. 1975. Scientists, the military, and the control of postwar defense research: The case of the Research Board for National Security, 1944–46. *Technology and Culture*, vol. 16, no. 1, pp. 20–47.
51. Kimball W.F. 1991. *The Juggler: Franklin Roosevelt as wartime statesman*. Princeton, NJ, Princeton University Press.
52. Klingaman W.K. 2019. *The darkest year: The American home front 1941–1942*. New York, St. Martin's Press.
53. Lacey J. 2008. The economic making of peace. In Murray W., Lacey J. (eds.). *The making of peace: Rulers, states, and the aftermath of war*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, pp. 309–322.
54. LaFeber W. 2008. *America, Russia, and the Cold War, 1945–2006*. 10th ed. Boston, McGraw-Hill.
55. Latham R. 1997. *The liberal moment: Modernity, security, and the making of postwar international order*. New York, Columbia University Press.
56. Layne C. 2006. *The peace of illusions: American grand strategy from 1940 to the present*. Ithaca, Cornell University Press.
57. Leffler M.P. 1994. National security and US foreign policy. In Leffler M.P., Painter D.S. (eds.). *Origins of the Cold War: An international history*. London, New York, Routledge, pp. 15–52.
58. Leffler M.P. 1992. *A preponderance of power: National security, the Truman administration, and the Cold War*. Stanford, Stanford University Press.
59. Leffler M.P. 2017. *Safeguarding democratic capitalism: U.S. Foreign policy and national security, 1920–2015*. Princeton, Princeton University Press.
60. Lippmann W. 1943. *U.S. foreign policy: Shield of republic*. New York, Pocket books.
61. McFarland K.D., Roll D.L. 2005. *Louis Johnson and the arming of America: The Roosevelt and Truman years*. Bloomington, Indiana University Press.
62. McFarland S.L. 1996. The Air Force in the Cold War, 1945–1960: Birth of a new defense paradigm. *Airpower Journal*, vol. 10, no. 3, pp. 4–15.
63. Mitchell W.C. et al. 1941. Discussion: The bases of an American defense policy: Armed forces. *Proceedings of the Academy of Political Science*, vol. 19, no. 2, pp. 49–57.
64. Morgenthau H.J. 1951. *In defense of the national interest*. New York, Knopf.

65. Morgenthau H.J. 1948. *Politics among nations: The struggle for power and peace*. New York, A.A. Knopf.
66. Nowarra H.J. 1997. *Junkers — Ju 290, Ju 390, etc.* [translated from the German by D. Cox]. Atglen, PA, Schiffer.
67. Nelson A.K. 2007. The evolution of the national security state: ubiquitous and endless. In Bacevich A.J. (ed.). *The long war: A new history of U.S. national security policy since World War II*. New York, Columbia University Press, pp. 265–301.
68. Offley E. 2014. *The burning shore: How Hitler's U-boats brought World War II to America*. New York, Basic Books.
69. Parmar I. 1999. 'Mobilizing America for an internationalist foreign policy': The role of the Council on Foreign Relations. *Studies in American Political Development*, vol. 13, no. 2, pp. 337–373.
70. Patel K.K. 2017. *The New Deal: A global history*. Princeton, Princeton University Press.
71. Patrick S. 2009. *Best laid plans: The origins of American multilateralism and the dawn of the Cold War*. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers.
72. Perez R.C., Willett E.F. 1989. *The will to win: A biography of Ferdinand Eberstadt*. New York, Greenwood Press.
73. Pollard R.A. 1985. *Economic security and the origins of the Cold War, 1945–1950*. New York, Columbia University Press.
74. Porter P. 2011. Beyond the American century: Walter Lippmann and American grand strategy, 1943–1950. *Diplomacy and Statecraft*, vol. 22, no. 4, pp. 557–577.
75. Queser G.H. 1966. *Deterrence before Hiroshima: The airpower background of modern strategy*. New York, Wiley.
76. Rosenboim O. 2017. *The emergence of globalism: Visions of world order in Britain and the United States, 1939–1950*. Princeton, Princeton University Press.
77. Ross S.T. 1996. *American war plans, 1945–1950: Strategies for defeating the Soviet Union*. London, Frank Cass.
78. Steel R. 1980. *Walter Lippmann and the American Century*. Boston, Little, Brown & Co.
79. Stoler M.A. 2000. *Allies and adversaries: The Joint Chiefs of Staff, the Grand Alliance, and U.S. strategy in World War II*. Chapel Hill, University of North Carolina Press.
80. Szafranski R. 1996. Interservice rivalry in action: The endless roles and missions refrain. *Airpower Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 48–59.
81. Taylor G.D. 1984. The Axis replacement program: Economic warfare and the chemical industry in Latin America, 1942–44. *Diplomatic History*, vol. 8, no. 2, pp. 145–164.
82. Thompson J.A. 2005. Conceptions of national security and American entry into World War II. *Diplomacy and Statecraft*, vol. 16, no. 4, pp. 671–697.
83. Thompson J.A. 2012. The geopolitical vision: The myth of an out-matched USA. In Isaac J., Bell D. (eds.). *Uncertain empire: American history*

and the idea of the Cold War. Oxford, New York, Oxford University Press, pp. 91–114.

84. Thompson J.A. 2015. *A sense of power: The roots of America's global role*. Ithaca, Cornell University Press.

85. Waddell B. 2008. *Toward the national security state: Civil-military relations during World War II*. Westport, Praeger.

86. Ward R.D. 1960. The origin and activities of the National Security League, 1914–1919. *The Mississippi Valley Historical Review*, vol. 47, no. 1, pp. 51–65. Available at: www.jstor.org/stable/1891278 (accessed: 14.05.2020).

87. Warner M., McDonald J.K. 2005. *US intelligence community reform studies since 1947*. Washington, D.C., Center for the Study of Intelligence. Available at: <https://fas.org/irp/cia/product/reform.pdf> (accessed: 16.05.2020).

88. Yergin D. 1977. *Shattered peace: The origins of the Cold War and the national security state*. New York, Houghton Mifflin.